ХРОНИКИ ИЗЛОМА

КНИГА 2

ПУТЬ, КОТОРОГО НЕТ

ДМИТРИЙ КЕРОВ

Дмитрий Керов

Хроники Излома. Книга 2. Путь, которого нет

«Автор»
2026

Керов Д.

Хроники Излома. Книга 2. Путь, которого нет / Д. Керов — «Автор», 2026

Месяц назад колониальный корабль «Гелиос» прошёл через Излом и оказался в чужой части Вселенной. От потерянного конвоя осталось чуть больше двух тысяч человек, повреждённый корабль и память о Земле, дорогу к которой теперь не способен показать ни один навигатор.Пока первые поселенцы готовятся высадиться в Долине Эссари и построить новый дом на Тарисе, Андрей Вельский получает должность, к которой совершенно не был готов: бывший младший связист становится командиром группы космической разведки. У него нет корабля, полноценной команды и даже уверенности, что Земля всё ещё существует там, где её оставили. Есть только обещание найти дорогу обратно.Чтобы выполнить его, Андрею придётся собрать рядом с собой людей, готовых рисковать ради почти невозможной цели, заработать на собственный корабль, разобраться в технологиях чужих рас и научиться выживать среди фракций, каждая из которых видит в человечестве либо ценное приобретение, либо будущую угрозу.

© Керов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Двое из десяти. 19
Глава 2. Гонки на выживание. 25
Глава 3. На старт. Внимание! Драйв! 43
Глава 4. Последний соперник 62
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Хроники Излома. Книга 2. Путь, которого нет

Пролог

— Ты ведь понимаешь, Андрей, что дороги домой больше нет?— Нет известной дороги, Сергей Павлович. Это не одно и то же.Из разговора Сергея Левина и Андрея Вельского

За месяц, прошедший после Совета, «Гелиос» пытались взять штурмом трижды.

Первый раз марканианцы назвали это недоразумением. Вооруженный отряд из двенадцати бойцов потребовал пропустить его на корабль для «подтверждения права людей владеть уцелевшей техникой». Подтверждать право они явились в тяжелой броне, с абордажными щитами и резаками, способными вскрыть герметичную переборку. У внешнего шлюза их встретили шестеро земных морпехов, два техника с монтажными карабинами и сержант внутренней охраны, все еще носивший повязку после предыдущего нападения. Разговор продолжался сорок три секунды. Затем один из марканианцев попытался отодвинуть сержанта с дороги. Сержант ушел с линии толчка, и нападавший, не успевший погасить движение в тесном шлюзе, врезался в двух товарищей; все трое вылетели обратно в переход.

Официальный представитель Доминиона сообщил, что произошедшее являлось частной инициативой воинов, неправильно понявших решение Совета. Воронцов ответил, что земные солдаты тоже могли неправильно понять намерения гостей, и попросил впредь предупреждать о недоразумениях заранее, чтобы у медицинской службы станции было время подготовить койки.

Во второй раз, через девять дней, марканианцы не стали разговаривать. Они спрятались внутри двух грузовых платформ, шедших к ремонтным докам, подменили сигнатуры допуска и попытались попасть на нижнюю техническую палубу через сервисный шлюз. План был значительно лучше первого. Подвела его единственная деталь: земные ремонтники еще не научились доверять станционным документам и проверяли любой груз вручную. Когда обе платформы оказались на карантинной площадке, а створки дока закрылись с обеих сторон, внутри обнаружились девять тяжеловооруженных нарушителей. Снаружи их ждали трое техников «Гелиоса» и очень удивленный сварщик, который до последнего считал, что датчик массы снова показывает лишние четыре тонны из-за неправильной калибровки.

На этот раз драка продолжалась почти шесть минут. Закончилась она после появления стражей Саа. Серебристые фигуры молча перекрыли выход из дока, и марканианцы, способные без особого труда сломать человеку позвоночник, впервые за время знакомства с людьми обнаружили, что чужая физическая сила тоже может оказаться неприятным аргументом. Четверых пришлось унести. Остальные покинули док сами, сохраняя такое выражение достоинства, какое вообще могла передать окровавленная морда существа с выбитым клыком.

Третья попытка произошла на двадцать седьмой день. К этому времени никто уже не называл происходящее недоразумением.

Поврежденный «Гелиос» висел внутри одного из старейших доков Сиар'Ваала, окруженный лесом ремонтных конструкций, грузовыми путями и десятками чужих аппаратов. Рабочие платформы ползали по его изуродованной броне, словно маленькие светящиеся насекомые по телу раненого зверя. В пробоинах появлялись временные пластины. Вдоль разорванных магистралей тянулись новые кабели, не похожие ни цветом, ни материалом на земные. Часть внешних орудий удалось вернуть в дежурный режим, но маршевые двигатели молчали, а собственные генераторы едва обеспечивали жилые палубы, госпиталь и сохранившиеся системы

обороны. Покинуть док корабль не мог. Именно поэтому нападавшие решили, что отступать людям тоже будет некуда.

Они вошли сразу через два перехода. В атаку пошел сорок один марканианец в боевой броне, без опознавательных знаков Доминиона и официальных приказов, которые можно было бы предъявить Совету. Один отряд ударил по основному шлюзу. Второй попытался перерезать внешнюю магистраль и открыть технический проход прямо в корпус. Позже Вархт-Толл заявил, что не знал об атаке. Возможно, даже не солгал. Доминион состоял из слишком многих родов, военных домов и отдельных вождей, чтобы каждый вооруженный марканианец обязательно ждал разрешения сверху. Но кто-то снабдил их схемами дока. Кто-то знал, какие системы «Гелиоса» еще не восстановлены. И кто-то очень рассчитывал, что обещание Союза Тихих Вод защищать людей окажется красивой формулировкой, не пережившей встречи с абордажным резаком. Расчет не оправдался.

Возле главного перехода марканианцев встретили люди и стражи Саа. Они стояли вперемешку: черная земная форма рядом с серебристой чешуей, человеческие бронежилеты между высокими фигурами, которым броня была почти не нужна. Саа удерживали первый удар. Люди стреляли из-за их спин короткими очередями, целясь не в тела, а в сочленения доспехов и открытые элементы оружия. Приказы шли по общему каналу. Переводчик не всегда успевал подобрать правильные слова, поэтому к середине боя стражи Саа уже знали русские команды «левее», «держать» и «пригнись», а сержант охраны научился различать два коротких ментальных сигнала: предупреждение об ударе и требование немедленно убрать голову.

У технического прохода марканианцам повезло меньше. Там их ждали люди Магократии. За неделю до этого верховный маг Эрне привел на «Гелиос» два десятка добровольцев из общин, живших в землях Союза. Вместе с ними прибыли полевые накопители энергии, медицинское оборудование, несколько защитных узлов и четыре грузовые платформы с материалами, назначение половины которых земные инженеры пока могли определить лишь по сопровождавшим их схемам. Эрне снова предупредил, что одинаковая форма тела не делает народы родственниками и помощь не означает признания общего прошлого. Воронцов ответил, что родословную у прибывших никто не спрашивал. После этого Тарновская предложила им переодеться.

На складах «Гелиоса» еще оставалась корабельная форма. Не парадная и не офицерская: обычные темно-серые комбинезоны технических служб, куртки внутренней охраны и рабочие бронежилеты. С них сняли знаки различия, оставив только название корабля на груди и эмблемы служб. Люди Магократии надели чужую одежду без торжественных клятв и церемоний. Высоким пришлось удлинять рукава. Худым — затягивать ремни почти до предела. Один пожилой маг долго изучал застежку на воротнике, а затем заявил, что цивилизация, сумевшая покинуть родную Вселенную, могла придумать менее мучительный способ удерживать ткань возле шеи. Через час по внешним галереям станции начали ходить новые люди в форме «Гелиоса».

Они сопровождали грузы. Стояли возле шлюзов. Помогали ремонтникам. Намеренно появлялись там, где их могли увидеть камеры торговых домов, наблюдатели Доминиона и незаметные аппараты Конкордата. Никто за пределами корабля не знал, сколько именно землян пережило Излом, какие изменения они получили и почему некоторые из них теперь могли поднимать силовые щиты без единого видимого генератора. Для Доминиона все люди в форме «Гелиоса» превращались в возможных бойцов. Для Конкордата — в возможные результаты неизвестных изменений. Отличить уроженцев Земли от магов, веками живших на Тарисе, по внешности было невозможно. К концу дня на станционных рынках говорили, что на «Гелиосе» скрывается не меньше пяти тысяч людей. К утру — уже восемь тысяч. Тарновская узнала о слухах, проверила, не требуют ли они официального опровержения, и решила не мешать чужой арифметике.

Когда начался третий штурм, замысел перестал быть одним лишь обманом. Люди Магократии вышли к техническому переходу в форме земного экипажа. Перед ними поднялась прозрачная стена, едва заметная до тех пор, пока в нее не врезался первый марканианец. Воздух вспыхнул фиолетовыми линиями. Тяжелую фигуру отбросило назад, следующие налетели на нее, и узкий проход на несколько секунд превратился в нагромождение брони, оружия и очень громких проклятий. Земные техники опустили аварийную переборку. Маги удерживали поле. Подоспевшие стражи Саа закрыли отступление. Через восемь минут все закончилось.

Никто из защитников не погиб. Трое землян получили переломы, у одного стража Саа оказался поврежден чешуйчатый покров на предплечье, а молодой маг по имени Лиан обжег обе ладони, когда попытался удержать поле дольше, чем позволяли его собственные силы. Потери нападавших оказались тяжелее, хотя Воронцов отдельно приказал не добивать тех, кто уже не мог сражаться. Пленных передали станционной службе безопасности. Доминион потребовал вернуть оружие. Союз Тихих Вод пообещал рассмотреть требование после завершения расследования. Четвертой попытки пока не последовало. Марканианцы уважали силу. Еще сильнее они уважали неизвестную силу, размеры которой нельзя было определить заранее.

За то, что эта неизвестность появилась вокруг людей, Саар-Эн заплатил больше, чем кто-либо на «Гелиосе» понял сразу.

У Саа опала не начиналась с громких обвинений. Она начиналась с двери. На третий день после Совета личная сигнатура Саар-Эна перестала открывать вход во внутренние сектора Союза без дополнительного подтверждения. На четвертый ему сообщили, что все распоряжения о выделении ресурсов людям должны проходить предварительное согласование. На пятый отменили право самостоятельно привлекать станционных специалистов. Затем исчез личный транспорт, сократилось число сопровождавших его стражей, а два представителя Саа, прежде склонявшие головы при встрече, сделали вид, что слишком заняты разговором. Никто не лишил Саар-Эна должности.

Его продолжали приглашать на заседания. Выслушивали. Благодарили за проделанную работу и напоминали о необходимости сохранять равновесие интересов. Просто ответы на его запросы стали приходить тогда, когда в них уже не было смысла, а решения, которые раньше исполнялись немедленно, теперь возвращались с уточнениями, расчетами и предложениями подождать. Саа умели ждать столетиями. И потому прекрасно знали, как превратить ожидание в наказание.

Формальной причиной называли превышение полномочий. Саар-Эн добился выделения людям земли, защиты, ремонта и ресурсов, не закрепив за Союзом исключительного права на их знания. Он помог превратить компенсацию Доминиона и Конкордата в основу будущей независимости, хотя мог потребовать долю для своей фракции. Он разрешил общинам Магократии передать оборудование напрямую «Гелиосу», минуя торговые дома Союза. Наконец, именно по его настоянию стражи Саа охраняли человеческий корабль за счет станции, тогда как договор об оплате еще не был подписан. С точки зрения людей, Саар-Эн вел себя как союзник. С точки зрения тех, кто привык измерять любое спасение будущей прибылью, он слишком часто ставил интересы новой расы выше интересов собственной.

Воронцов узнал об этом случайно. После очередного совещания Саар-Эн отказался от предложенной транспортной кабины и направился к докам пешком. Капитан, все еще ходивший с жестким каркасом на груди и подчинявшийся медицинским требованиям лишь тогда, когда Белова находилась достаточно близко, прошел рядом с ним несколько десятков шагов, прежде чем спросить:

— С транспортом что-то случилось?

— Нет.

— Тогда почему идем пешком?

— Мое право использовать служебные маршруты временно приостановлено.

Воронцов остановился. Саар-Эн сделал еще два шага, заметил отсутствие человека рядом и повернул голову.

— За что? — спросил капитан.

— Полная формулировка состоит из семнадцати пунктов.

— Короткая.

— Излишняя лояльность к людям Земли. Недостаточная защита первичной прибыли Союза. Создание обязательств до определения способа их возмещения.

— Это три пункта.

— Остальные уточняют первые.

Воронцов посмотрел на длинную галерею, по которой двигались грузовые платформы. До дока оставалось почти два километра.

— И насколько все плохо?

Отростки на затылке Саар-Эна медленно качнулись.

— Раньше мои решения проверяли после исполнения. Теперь — до.

— Надолго?

— Пока старшие моего народа не убедятся, что люди приносят Союзу больше пользы, чем затрат.

— То есть пока мы не начнем приносить прибыль.

— Да.

Капитан снова пошел.

— Ничего нового. У нас Тарновская так на любой отдел смотрит.

Саар-Эн некоторое время молчал.

— Ольга Тарновская не ограничивает доступ к дверям.

— Вы просто не видели, как она закрывает склады.

На этот раз кольца на отростках Саа едва слышно соприкоснулись. Воронцов уже научился понимать, что так Саар-Эн иногда заменяет улыбку.

Своего решения он не изменил. Саар-Эн больше не мог выделять людям технику, обещать кредиты или вызывать ремонтные группы одним приказом. Поэтому он делал то, для чего не требовалось разрешения: приходил лично. Присутствовал на человеческих совещаниях, сопровождал специалистов по станции, переводил понятия, с которыми не справлялась автоматическая система, и предупреждал о правилах, нарушение которых могло стоить дороже, чем казалось. Чем меньше у него оставалось власти внутри Союза, тем чаще его видели на «Гелиосе». Люди быстро привыкли. К концу второй недели серебристый Саа, сидевший возле стены человеческой столовой и молча слушавший спор о распределении строительных генераторов, уже удивлял меньше, чем отсутствие свободного кофе.

Пока две другие фракции пытались понять, сколько воинов появилось у «Гелиоса», а старшие Саа решали, не слишком ли дорого их представитель покупает расположение новой расы, люди занимались тем, ради чего когда-то покинули Землю. Они готовились строить поселение.

Переселить на Тарис сразу всех было невозможно. Чуть больше двух тысяч выживших нуждались в воде, пище, тепле, медицинской помощи и месте, защищенном хотя бы от первого дождя. Долина Эссари могла стать домом через месяцы или годы. Сейчас она оставалась огромным участком чужой земли, где не было ни города, ни дорог, ни работающей электросети, ни единого здания, в котором человек мог закрыть за собой дверь и почувствовать, что снаружи находится мир, а внутри — его собственная жизнь.

Союз предлагал временные модули и транспорт. Люди Магократии обещали помочь с водой, местной пищей и защитными контурами. Саар-Эн в пределах своих представительских полномочий включил охрану внешнего периметра в обязательства Союза до тех пор, пока поселение не сможет обороняться самостоятельно. Но даже при всей чужой помощи высадка двух

тысяч человек одним рейсом превратила бы несуществующий город в лагерь беженцев, зависимый от каждой задержавшейся платформы. Этого Воронцов допустить не хотел.

Совет обсуждал временный перевод людей в гостевые сектора Сиар'Ваала. Там работали системы жизнеобеспечения, имелись койки, санитарные блоки и пищевые автоматы, а станционная охрана находилась ближе, чем на поврежденном корабле. Предложение отклонили. Медики согласились отправлять на станцию только тех раненых, которым требовалось отсутствующее на корабле оборудование; как только состояние позволяло, их возвращали на «Гелиос».

Решение далось не сразу и не единогласно. Медики требовали разгрузить госпиталь, инженеры напоминали об энергии, которую потребляли жилые палубы, а родители не хотели ни оставлять детей на поврежденном корабле, ни разделять семьи. В конце концов люди остались на «Гелиосе». Они спали в общих отсеках, грели воду в ремонтных емкостях, часами ждали очереди к работающим душевым и просыпались от ударов по внешней обшивке, когда чужие машины устанавливали очередную пластину. Станция была безопаснее. «Гелиос» был своим. После первых двух нападений никто больше не пытался объяснять эту разницу логикой.

Временный Совет людей Земли заседал почти каждый день. Военные требовали сначала восстановить оборону корабля. Инженеры — прекратить расходовать энергию на жилые сектора, которые можно эвакуировать. Медики настаивали на разгрузке госпиталя. Представители семей спрашивали, сколько еще дети будут жить рядом с пробоинами, через которые месяц назад был виден открытый космос. Тарновская отвечала цифрами. Белова — диагнозами. Левин время от времени предлагал остановиться, прежде чем участники начнут решать вопросы управления новой цивилизацией при помощи стульев.

К концу месяца они пришли к решению. На Тарис отправится первая группа высадки численностью не более сорока человек. Она примет временные модули, проверит воду, грунт и местные организмы, развернет связь, подготовит площадку для следующих партий и проживет в долине достаточно долго, чтобы обнаружить опасности раньше, чем там окажутся дети. Только после ее доклада начнется поэтапное переселение остальных.

Военная часть Совета потребовала включить в группу отдельное подразделение охраны. Саар-Эн возразил: безопасность первого поселения уже входила в обязательства, которые он мог принимать от имени Союза в пределах действовавших полномочий. Отдельного решения старейшин тогда не требовалось, и никто еще не оспаривал его право говорить за фракцию. Появление же земных солдат с тяжелым оружием могло быть истолковано соседями как создание военной базы. Кроме того, после трех попыток штурма «Гелиос» сам нуждался в каждом человеке, способном держать оружие. Отправить лучших бойцов на планету означало оставить корабль, архивы Земли и две тысячи выживших под защитой одних лишь чужаков. Спор продолжался четыре часа. Компромисс предложила Тарновская.

В первую группу решили не включать бойцов, не имевших другой полезной специальности. Каждый кандидат должен был обладать двумя профилями: военной подготовкой и профессией, необходимой поселению. В проекте штатной структуры появились двойные обозначения. Сапер и энергетик. Стрелок и геодезист. Военный медик и микробиолог. Пилот десантного катера и специалист по строительным машинам. Связист и инженер защитных систем. На Тарис должны были высадиться не солдаты, которых в свободное время заставят строить, и не строители, которым на всякий случай выдадут оружие, а люди, умеющие одинаково серьезно относиться к обеим задачам. Простые пехотинцы оставались на корабле. Военные были недовольны. Гражданские тоже. Это стало первым решением Совета, которое не понравилось почти никому и потому показалось Воронцову достаточно разумным.

Первый вылет назначили через три дня. К этому моменту требовалось подобрать людей, распределить груз, проверить оборудование, согласовать маршруты со стражами Саа и решить

еще несколько сотен вопросов, о существовании которых месяц назад никто даже не подозревал.

Андрей Вельский узнал о принятом решении из короткой сводки, которую прочитал по дороге на очередную работу.

Транспортная кабина неслась вдоль внешнего кольца станции. За прозрачной стеной проплывали доки, торговые уровни и огромные фермы, в которых среди переплетения труб росли растения сразу нескольких миров. Некоторые тянулись к искусственному свету широкими темными листьями. Другие прятались под водой и выдавали присутствие лишь цепочками пузырьков. Третьи медленно поворачивали цветы вслед за пассажирами, будто пытались рассмотреть их получше. Андрей ничего этого не замечал.

На экране личного терминала стояло уведомление Совета: «Предварительная структура первой группы высадки утверждена. Руководителям служб до окончания текущего цикла представить предложения по оборудованию и персоналу». Ниже находился список ответственных. Его имя встречалось трижды. Как действующий специалист связи он должен был оценить развертывание передатчиков в долине Эссари. Как человек, переживший ментальное воздействие, — присутствовать при проверке систем защиты будущего лагеря. Как командир группы космической разведки — выделить специалистов, которые затем смогут участвовать в изучении орбиты, дальних маршрутов и возможных следов Излома. Последний пункт Андрей прочитал два раза. Затем свернул сообщение.

— Вы не ответили, — заметил Саар-Эн.

Саа стоял рядом, слегка пригнув голову под слишком низким для него потолком кабины. После утраты служебного транспорта он сопровождал Андрея пешком и на общих линиях, чем неизменно вызывал неудовольствие пассажиров, вынужденных освобождать сразу несколько мест. Сейчас возле противоположной стены теснились трое существ в длинных дыхательных масках. Они старались не смотреть на человека. На Саар-Эна тоже старались, но получалось хуже.

— Там не было вопроса.

— От вас требуют предложения.

— До окончания цикла еще шесть часов.

— Предыдущие два требования вы прочитали так же.

— И до окончания тех циклов тоже оставалось время.

— Оно закончилось.

Андрей убрал терминал в карман.

— Вы решили заменить мне Левина?

— Нет.

— Хорошо.

— Я не способен заменить Сергея Павловича Левина. Для этого требуется значительно чаще указывать на ваши ошибки и значительно реже объяснять причины.

Один из пассажиров в маске повернул голову. Андрей посмотрел на Саар-Эна. Черные глаза оставались неподвижными. Если Саа шутил, человеческая интонация ему по-прежнему не требовалась.

— Вы слишком много времени проводите на нашем корабле.

— Да.

Кабина замедлилась. За стеной возник широкий технический уровень, залитый синим светом. Внизу двигались сотни грузовых платформ. Они расходились по разным путям, меняли высоту, исчезали в тоннелях и снова появлялись на соседних линиях. Над ними висела полупрозрачная схема, по которой с невероятной скоростью бежали символы нескольких письменностей. Двери открылись. Андрей вышел первым.

Новую должность он получил двадцать девять дней назад. «Командир группы космической разведки» звучало так, словно под началом Вельского уже находились корабли, экипажи, аналитики, навигаторы и отдельный отдел, который каждое утро приносил командиру доклады. Первые две недели ушли на определение задач группы, требований к будущему экипажу и границ полномочий, о которых не смогли договориться даже люди, назначившие Андрея. Официальный набор открыли лишь в середине месяца. С тех пор у него появились шестьдесят четыре заявления, выделенная каюта, новый уровень допуска и все меньше причин делать вид, будто полноценная работа группы еще не началась. Не было только самой группы. И корабля.

От прежних обязанностей его тоже никто не освободил. После боя в службе связи осталось слишком мало опытных специалистов, а необходимость соединить земные системы с оборудованием Сиар'Ваала создавала больше работы, чем до Излома выполнял весь узел. Андрей проводил несколько часов на «Гелиосе», принимал вахту, разбирался с очередным несовместимым протоколом, а затем уходил на станцию. Там за человеческое умение решать чужие проблемы платили.

Первое предложение поступило почти случайно. Один из ремонтных домов Саа пытался подключить земной диагностический комплекс к собственной сети и потратил на это половину цикла. Андрей посмотрел на схему, обнаружил, что обе системы по-разному отсчитывают порядок служебных сообщений, написал простую таблицу соответствий и через двадцать минут получил сумму, равную месячному довольствию младшего связиста. На следующий день его пригласили снова. Потом о человеке узнали другие.

Станция обладала технологиями, рядом с которыми земные разработки казались изделиями из проволоки, изоляционной ленты и чрезмерной уверенности в собственных силах. Саа умели передавать мысли, корлианцы существовали без биологических тел, а на верфях собирали корабли для рас, чью систему восприятия люди пока не могли нормально описать. Но каждая цивилизация развивалась своим путем. Решения, ставшие очевидными для одной, могли никогда не понадобиться другой. Иногда тысячелетний производственный процесс останавливался из-за ошибки, которую на Земле давно научились искать студенты второго курса. Именно это стало первым товаром людей.

Они не продавали оружие. Не передавали полный доступ к архивам. Не позволяли копировать системы «Гелиоса» без отдельного договора. Вместо этого специалисты приходили на чужое производство, изучали задачу и предлагали способ, до которого местные просто не додумались. Инженеры меняли порядок сборки. Медики сравнивали протоколы лечения. Логисты находили лишние этапы в движении грузов. Программисты писали переходные модули для систем, созданных существами, которые даже понятие числа воспринимали иначе.

Часть оплаты поступала в общий фонд «Гелиоса». Если использовались данные из корабельных архивов или опыт целой службы, Тарновская забирала почти все и без малейшего сожаления вписывала ресурсы в одну из сотен строк будущего поселения. Если решение основывалось на личном опыте специалиста, договор предусматривал отдельное вознаграждение. Так у Андрея появился собственный счет. Личным он оставался лишь по документам: Андрей с первого дня считал эти деньги фондом будущей группы.

Расчетная система Союза Тихих Вод потребовала определить вид, происхождение, гражданскую принадлежность и предполагаемую продолжительность жизни владельца. На первом вопросе переводчик предложил одиннадцать вариантов слова «человек». На втором система не нашла в своих каталогах Землю, на третьем — подходящего государства. На четвертый Андрей отказался отвечать, после чего система присвоила ему временный статус представителя новой разумной расы и предупредила, что условия обслуживания могут измениться после уточнения правового положения. В первый день на счете было пусто. На третий — две тысячи восемьсот кредитов. За месяц сумма успела стать пятизначной. Андрей проверял ее чаще, чем хотел признавать.

Технический уровень, куда они прибыли, обслуживал внутренний транспорт северной части станции. Последние два цикла грузовые платформы опаздывали к докам. Не настолько, чтобы остановить работу, но достаточно для потери времени, энергии и денег. Система управления исправно прокладывала маршруты. Диспетчеры подтверждали команды. Платформы двигались с расчетной скоростью. И все же каждая шестая проводила несколько минут в ожидании свободного пути, хотя соседние линии оставались пустыми. Местные специалисты проверили двигатели, датчики и управляющие узлы. Причину не нашли. Андрей обнаружил ее через сорок минут.

— Здесь, — сказал он, указав на участок схемы. — Вы запрашиваете подтверждение маршрута после каждого перехода между секторами.

Напротив стояло существо с полупрозрачной кожей, внутри которой медленно пульсировали темные органы. Переводчик определял его должность как «хранитель последовательности движения». Существо наклонило вытянутую голову.

— Это исключает столкновение.

— Но новый сектор подтверждает маршрут только после того, как получает полный отчет от предыдущего.

— Это исключает потерю груза.

— Отчет идет через центральный узел. Потом возвращается сюда. Потом снова уходит в следующий сектор.

— Таков безопасный порядок.

— Он был безопасным, когда на станции существовало четыре транспортных линии. Сейчас их сто девяносто три.

Хранитель последовательности долго смотрел на человека. Сквозь прозрачную кожу было видно, как один из внутренних мешков сжался быстрее остальных.

— Порядок установлен основателями комплекса.

— Основатели комплекса не возили столько грузов.

— Вы предлагаете отменить подтверждение?

— Нет. Я предлагаю передавать его напрямую следующему сектору, а центральному узлу отправлять копию. Если сведения не совпадут, он остановит платформу уже на следующей точке. Вы сохраните контроль, но уберете ожидание.

Существо перевело взгляд на Саар-Эна.

— Это допустимо?

— Решение не нарушает станционных соглашений, — ответил Саа.

— Оно безопасно?

— Для ответа требуется проверка.

— Значит, вы не знаете.

— Поэтому вы пригласили специалиста.

Хранитель снова посмотрел на Андрея.

Проверка заняла еще два часа. Сначала новую схему запустили на пустой линии. Затем по ней отправили одну платформу с балластом. После десятой успешной передачи добавили вторую. Через полчаса система управляла двадцатью грузами одновременно, не допустив ни одного сбоя. Средняя задержка сократилась на восемнадцать процентов. Хранитель последовательности изучал результат молча.

— Примитивно, — произнес он наконец.

— Мне уже говорили, — ответил Андрей.

Саар-Эн не изменился в лице. Только кольца на его отростках тихо звякнули.

Оплата поступила сразу. Часть ушла в общий фонд людей. На личном счете Андрея появилась новая строка. Баланс: 37 430 кредитов. Он задержал взгляд на цифрах. Тридцать семь тысяч четыреста тридцать.

Месяц назад у него не было ни одного местного кредита. Сейчас он мог оплачивать транспорт, питание на станции, услуги переводчика и даже снять небольшое помещение на торговом уровне, если бы зачем-то решил покинуть выделенную каюту. Для человека, потерявшего собственную Вселенную, сумма выглядела почти неприлично большой. Для командира космической разведки она не означала почти ничего.

— Вы довольны, — заметил Саар-Эн.

— Я заработал еще две тысячи.

— До требуемой суммы остается сто двенадцать тысяч пятьсот семьдесят.

— Спасибо.

— За что?

— За умение испортить любое достижение точным расчетом.

Они покинули технический уровень и направились к транспортным кабинам. Андрей еще раз открыл счет, будто за несколько секунд сумма могла измениться сама. Не изменилась.

Разговор о корабле состоялся в середине месяца, вскоре после официального открытия набора.

Тогда они возвращались с верфей после осмотра малого аппарата Саа, построенного для дальней разведки. Корабль имел вытянутый корпус, два боковых крыла и кормовую часть, очертаниями напоминавшую сложенный птичий хвост. Он был в десятки раз меньше «Гелиоса», но мог самостоятельно входить в Варп, неделями поддерживать жизнь экипажа и нести оборудование, необходимое для изучения неизвестных маршрутов. Андрей смотрел на него дольше, чем требовал осмотр. Саар-Эн заметил.

— Этот аппарат подходит вашей группе.

— У моей группы пока нет даже списка.

— Заявления поданы.

— Заявление не делает человека членом экипажа.

— Но делает возможным выбор.

Андрей тогда промолчал. Они прошли почти половину галереи, прежде чем он сказал:

— Я не знаю, как этим руководить.

Саар-Эн повернул голову.

— Кораблем?

— Людьми.

— Вы руководили работой узла связи во время нападения.

— Я восстанавливал каналы и раздавал задачи тем, кто и без меня знал свою работу. Теперь я должен решать, кто полетит, куда мы полетим и что делать, если не вернемся. Это другое.

— Да.

Андрей ждал продолжения. Его не последовало.

— И все?

— Вы сообщили, что задачи различаются. Я согласился.

— Очень полезный разговор.

— Вы ожидали, что я устраню ваш страх?

— Хотя бы скажете, что капитан не назначил бы меня просто так.

— Михаил Арсеньевич Воронцов назначил вас без предварительного согласия, сразу после вашего самовольного ухода с корабля, употребления вещества, изменяющего сознание, драки с марканианцем и применения неизвестной способности внутри медицинского сектора.

Андрей остановился.

— Когда вы перечисляете это подряд, решение капитана выглядит еще хуже.

— Да.

Саар-Эн тоже остановился.

— Но вы хотите вернуться на Землю.

— Этого недостаточно, чтобы командовать.

— Недостаточно. Поэтому вам следует найти тех, кто умеет то, чего не умеете вы.

Андрей посмотрел через прозрачную стену на малый корабль. Он понимал простоту ответа. И именно поэтому не мог его принять.

Найти людей означало выбрать. Взять на себя ответственность. Посмотреть каждому в лицо и решить, чья жизнь будет зависеть от его приказов. Гораздо проще было думать о двигателях, запасе воздуха, дальности перехода и цене. У чисел имелись границы. У технической задачи существовало решение, пусть дорогое и далекое.

— Союз может передать нам такой корабль? — спросил Андрей.

Саар-Эн едва заметно повел плечами. За месяц люди выяснили, что этот жест у Саа означал примерно то же, что человеческое пожатие плечами, только выполнялся реже и обычно предшествовал неприятному ответу.

— Нет.

— Временно?

— Мое положение не позволяет требовать выделения техники. Старшие Союза не одобрят передачу корабля расе, не заключившей окончательный договор.

— А ваши общины?

— Способны помочь ресурсами. Не разведывательным аппаратом.

— Значит, придется покупать.

— Да.

— Сколько?

Саар-Эн назвал сумму. Андрей решил, что переводчик ошибся. Потом попросил повторить.

Самый простой корабль Саа в минимальной комплектации стоил около ста пятидесяти тысяч кредитов. Без вооружения. Без исследовательских модулей. Без расширенного запаса для дальних переходов. Он мог подняться со станции, войти в Варп и вернуть небольшой экипаж обратно, если маршрут не окажется слишком сложным. Все остальное предстояло покупать отдельно.

— Вы сказали, что задача решаема, — напомнил Андрей.

— Корабль существует и имеет цену.

— У меня было девять тысяч.

— Теперь больше.

— До ста пятидесяти еще очень далеко.

— Значит, требуется продолжать.

С тех пор Андрей продолжал. Он брал любые задачи, за которые платили. Проверял системы связи. Сравнивал схемы. Искал задержки в производственных цепочках. Объяснял местным инженерам, почему земные специалисты иногда намеренно оставляли человеку возможность отменить решение автоматики, даже если машина считала его оптимальным. Возвращался на «Гелиос» ближе к ночному сегменту, падал на койку, спал несколько часов и снова уходил.

Левин знал. Он видел договоры, потому что служба связи подтверждала каждый выход специалиста на станцию. Знал о личном счете. Знал даже примерную сумму. Несколько раз люди жаловались ему, что не могут найти нового командира разведки в выделенной каюте, и Левин отвечал, что Вельский работает. До определенного момента это было правдой.

Людям действительно требовались кредиты. Тарновская уже распределила компенсации, доходы от первых контрактов и еще не полученные ресурсы на месяцы вперед. В ее расчетах существовали жилые модули, генераторы, очистные установки, лекарства, транспорт, оборудование для полей и бесконечная колонка непредвиденных расходов, которая росла быстрее

остальных. Забрать из общего фонда сто пятьдесят тысяч на корабль, предназначенный для поисков пути в другую Вселенную, Совет сейчас не мог. Андрей решил найти деньги сам. Левин это понимал. Он понимал и другое.

За две недели, прошедшие с официального начала набора, Вельский не провел ни одного полноценного собеседования.

Каюта руководителя группы находилась на жилой палубе рядом с помещениями старших специалистов. До Излома там жил начальник одной из инженерных служб. Он погиб во время перехода, и личные вещи уже передали его семье. Остались широкий стол, два шкафа, четыре стула и отдельный терминал, на который теперь приходили заявления. Андрей появлялся там только ночью. Иногда.

К концу первой недели набора возле двери начали оставлять сообщения. Сначала электронные. Потом бумажные, потому что кто-то решил, что так командир хотя бы заметит. На первое сообщение Андрей ответил, что свяжется позже. Второе добавил в список. Третье прочитал во время вахты и забыл открыть снова. После двадцатого перестал считать. Люди роптали.

Одни хотели знать требования к группе. Другие предлагали себя, знакомых или оборудование. Третьи приходили просто спросить, действительно ли поиски Земли начнутся, или речь Воронцова была нужна лишь для того, чтобы пережить первый вечер. Среди заявителей находились пилоты, навигаторы, инженеры, военные и несколько человек, не имевших ни одной полезной для полета специальности, но убежденных, что желание вернуться должно заменить подготовку. Все они искали Андрея. Андрей искал еще один заказ.

На четырнадцатый день набора терпение Левина закончилось.

Это произошло примерно за час до того, как Андрей вернулся с транспортного уровня.

У входа на «Гелиос» его встретили двое земных солдат, страж Саа и женщина Магократии в куртке внутренней охраны. На груди женщины белела надпись «ГЕЛИОС». Знаков различия не было. Из-под рукавов иногда проступали тонкие линии синего света, но она прятала руки за спиной всякий раз, когда мимо проходили чужие.

— Товарищ командир, — поздоровался старший солдат.

Андрей не сразу понял, что обращаются к нему. Потом кивнул.

— Спокойная смена?

— Две подозрительные грузовые платформы. Обе пустые. Один наблюдатель Конкордата возле внешней галереи. Ушел после предупреждения.

— Хорошо.

— Вас Сергей Павлович искал.

Андрей остановился.

— Давно?

— С начала вечернего сегмента.

— Сказал зачем?

Солдат посмотрел на товарища.

— Сказал, что хочет устранить неисправность.

Андрей медленно повернулся к Саар-Эну.

— Вы знали?

— Нет.

— Почему тогда выглядите так, будто знали?

— Мое лицо не изменилось.

— Вот именно.

Они прошли шлюз. Внутри «Гелиоса» пахло нагретым металлом, герметиком и едой из ближайшей столовой. По коридорам тянулись временные кабели. На переборках стояли отметки ремонтных бригад: красные возле опасных участков, желтые там, где оборудование

еще проходило проверку, зеленые рядом с восстановленными секциями. Люди Магократии попадались все чаще. Одни помогали переносить материалы. Другие сидели возле открытых панелей вместе с земными инженерами и терпеливо объясняли принципы работы устройств, для которых в русском языке пока не существовало названий. Корабль менялся. Еще месяц назад любой чужак на его палубах выглядел захватчиком. Теперь чужие носили земную форму, дежурили у шлюзов и спорили с техниками о том, где проходит граница между магией и неправильно понятой физикой.

Андрей добрался до жилой палубы в двадцать три семнадцать по корабельному времени. Свет уже перешел в ночной режим. Большинство коридоров опустело, только возле распределительного пункта двое рабочих делили контейнер с инструментами, а из открытой двери общей каюты доносился тихий детский смех. Перед помещением группы разведки никого не было. Это показалось подозрительным. Андрей приложил ладонь к панели. Дверь открылась.

За его столом сидел Левин. Старший оператор успел принести металлический чайник, две кружки и стопку распечатанных заявлений. Еще несколько десятков документов висели над терминалом. На свободных стульях лежали личные дела, медицинские допуски и результаты профессиональных проверок. Сам Левин листал анкету молодого пилота с выражением человека, который уже нашел три ошибки и теперь решал, в каком порядке сообщить о них владельцу.

— Доброе утро, товарищ командир, — произнес он.

Андрей посмотрел на ночное освещение.

— Сейчас двадцать три семнадцать.

— Для тебя рабочий день только начинается.

— Что вы делаете в моей каюте?

— Наконец-то ты признал ее своей. Уже прогресс.

Саар-Эн вошел следом. Остановился возле стены, потому что свободных стульев не осталось. Андрей закрыл дверь.

— Сергей Павлович, я устал.

— Я тоже. Поэтому постараемся поругаться быстро.

— Обязательно сегодня?

— Нет. Можно было вчера. Или позавчера. Я приходил.

Левин положил анкету на стол.

— Шестьдесят четыре заявления.

— Я знаю.

— Нет, Андрей. Ты знаешь число. А кто эти люди — не знаешь. Пятеро пилотов. Девять инженеров. Четыре навигатора. Медики, специалисты по Варпу, трое десантников, два историка, один повар и человек, который написал в графе навыков «быстро учусь и не боюсь смерти».

— Последнего сразу отказать.

— Уже лучше. Первое кадровое решение.

— У меня не было времени.

— Было. Ты продал его за тридцать семь тысяч четыреста тридцать кредитов.

Андрей замолчал.

— Следите за моим счетом?

— Нет. Тарновская следит. Я спросил.

— Эти деньги нужны группе.

— Нужны.

— Самый дешевый корабль стоит сто пятьдесят тысяч. Без него вся космическая разведка существует только в документах.

— А без людей кому ты собираешься покупать корабль?

— Когда будет корабль, тогда и выберу экипаж.

Левин откинулся на спинку кресла.

— Вельский, последние две недели ты пытаешься накопить на железо, потому что с железом проще. Оно не спросит, почему ты выбрал одного человека и отказал другому. Не будет смотреть на тебя так, будто ты знаешь дорогу. И не оставит на твоей совести семью того, кто не вернется.

Андрей отвел взгляд. Саар-Эн молчал. Это раздражало сильнее, чем если бы он согласился.

— Я не просил назначать меня командиром.

— Я тоже не просил становиться старшим оператором. Мне просто однажды сказали, что предыдущий уходит, а я дольше всех умею делать вид, будто понимаю происходящее.

— Вы всегда знали, что делать.

— Конечно. Особенно после того, как все уже закончилось.

Левин придвинул к Андрею верхнее заявление.

— Бояться можно. Тянуть время тоже иногда можно. Но эти люди пришли к тебе не потому, что считают тебя опытным командиром. Они видели твое лицо, когда Воронцов объявил назначение. После такого никто не мог заподозрить в тебе опытного командира.

— Очень поддерживает.

— Они пришли, потому что хотят искать Землю. Твоя задача — не изображать человека, у которого есть все ответы. Твоя задача — собрать тех, кто сможет найти их вместе с тобой.

Андрей посмотрел на заявление. С фотографии на него смотрел тот самый молодой техник, который подошел после речи капитана. Повязку с руки уже сняли. В графе основной специальности стояло: «ремонт систем дальней связи». Ниже — допуски к работе в открытом космосе, подготовка по аварийному восстановлению корпусов и короткая отметка врача: «годен с ограничением нагрузки до полного сращения».

— Он приходил четыре раза, — сказал Левин. — На пятый пошел ко мне.

— Почему к вам?

— Потому что меня найти проще.

Андрей открыл следующие документы. Девушка из навигационной службы. Пилот спасательного катера. Инженер, потерявший брата на «Северном ветре». Молодой морпех с гражданской квалификацией геолога. Женщина сорока двух лет, служившая на «Гелиосе» специалистом по архивным системам и свободно читавшая на трех мертвых земных языках. За каждым именем находилась жизнь, которую Андрей не имел права превращать в строку списка. И все же именно список ему предстояло составить.

— Я не смогу взять всех.

— Поэтому ты здесь.

— Половина меня возненавидит.

— Значит, к вечеру станешь настоящим руководителем.

Андрей поднял голову.

— К вечеру?

Левин посмотрел на время.

— К следующему.

В дверь постучали. Андрей замер.

— Кто там?

— Первый кандидат, — ответил Левин.

— В двадцать три двадцать?

— Ты раньше не возвращаешься.

— Вы назначили собеседования ночью?

— Только тем, кто согласился. Сорок один человек согласился.

Андрей медленно выдохнул. Потом посмотрел на Саар-Эна.

— Хотите что-нибудь добавить?

Саа чуть повел плечами.

— Стоимость корабля не изменилась.

— Спасибо.

— Но число существ, способных помочь вам его приобрести, увеличилось.

Левин поднял большой палец.

— Вот поэтому он мне нравится. Редко говорит, но иногда сразу по делу.

В дверь постучали снова. Андрей обошел стол. Левин не поднялся.

— Это мое место.

— Уже заметил. Проверял, подойдет ли.

— И?

— Кресло неудобное. Для руководителя в самый раз.

Он пересел на стул возле стены. Саар-Эн немного сдвинулся, освобождая место. Андрей опустился в кресло, положил перед собой первое заявление и несколько секунд смотрел на закрытую дверь. Корабля у него по-прежнему не было. Дороги домой — тоже. Но впервые за месяц Андрей перестал делать вид, что обе проблемы можно решить в одиночку.

— Войдите, — сказал он.

Глава 1. Двое из десяти.

К полуночи Андрей успел понять, что командование начинается не с права отдавать приказы и даже не с ответственности за тех, кто согласился их выполнять. Оно начинается гораздо раньше — с человека, который садится напротив, кладет на стол собственную жизнь и ждет, что ты сумеешь объяснить, ради чего ею стоит рискнуть.

Первое собеседование началось в двадцать три часа двадцать одну минуту. Последнего кандидата следовало выслушать к началу дневного цикла, и еще до появления первого из них расписание выглядело сомнительно: сорок один человек из шестидесяти четырех заявителей, четыре стула, один чайник и командир группы космической разведки, который за две недели набора так и не нашел времени подумать, что спрашивать у людей, готовых отправиться за пределы известных маршрутов. В официальном сообщении говорилось о поиске Земли, изучении Излома и будущих экспедициях; там не упоминалось, что корабля у группы нет, направление поиска неизвестно, а единственным доказательством того, что Грань вообще можно пересечь, остается сам факт существования «Гелиоса» по эту сторону.

Левин устроился возле чайника и с самого начала принял вид человека, приглашенного исключительно для наблюдения за чужими ошибками, хотя именно он отобрал анкеты, вызвал кандидатов и принес из узла связи два терминала, на которых заранее разложил профессиональные данные по специальностям. Саар-Эн занял место у стены. Саа почти не двигался, лишь время от времени чуть поворачивал голову вслед за говорившим, и его присутствие одновременно успокаивало Андрея и заставляло каждого входившего помнить, что собеседование проходит уже не в привычном человеческом мире.

Первые кандидаты отличались именами, должностями и возрастом, но причины повторялись. Все хотели домой. Одни произносили это твердо, словно пароль, который должен был открыть дверь в группу; другие говорили тише и после нескольких вопросов признавались, что на Земле остались родители, дети, братья или человек, перед которым они не успели извиниться. Молодой техник, еще не снятый с ограничений после перелома руки, поначалу уверял, что готов выйти в космос хоть завтра, однако постепенно утратил уверенность, когда Андрей превратил слово «поиск» в поврежденный двигатель, оборванную связь и неизвестную систему, из которой, возможно, не существовало обратной дороги. Уже у двери техник спросил, успел ли сам командир решить, что будет делать в подобной ситуации, и Андрей, чувствуя на себе спокойный взгляд Левина, честно ответил, что нет. Молодой человек ушел сердитым, но заявление не забрал; Сергей Павлович перевернул документ и написал на обороте: «Вернется».

К часу ночи очередь растянулась вдоль коридора и начала мешать ремонтной смене. Люди сидели на ящиках, подпирали переборки, передавали друг другу кофе и пересказывали вопросы так, словно за дверью проходило испытание, к которому можно было подготовиться, выучив правильные ответы. После шестого собеседования возник слух, что Андрей намеренно ставит кандидатов в безвыходные обстоятельства, после восьмого к этому добавилось утверждение, будто Саар-Эн способен замечать ложь, а еще через двадцать минут кто-то объявил, что Левин записывает психологические реакции и заранее помечает неуравновешенных. Последнее было неправдой лишь наполовину: старший оператор действительно делал пометки, но чаще записывал рядом с именами короткие и понятные только ему определения вроде «слишком смелый», «не отпустит жена» или «сперва выспаться».

Профессиональные сведения помещались в анкетах. Причины — нет. За одинаковыми словами о Земле скрывались вина, страх, одиночество, желание отомстить Излому и надежда снова стать тем человеком, которым кандидат считал себя месяц назад. Двое ушли сами, когда поняли, что ближайшие месяцы группе придется изучать чужие архивы и зарабатывать на соб-

ственное существование, а не немедленно прорываться через Грань. Одному Андрей отказал из-за явного желания командовать всеми, кроме себя. Еще троих попросил вернуться после восстановления «Гелиоса»: каждый из них подходил группе, но без их работы корабль, остававшийся единственным настоящим домом для двух тысяч выживших, мог так и не покинуть док.

К тому времени, когда дверь в очередной раз открылась без стука, они отставали от расписания почти на час.

— У вас два кандидата собираются выяснить разницу между трусостью и здравым смыслом при помощи гаечного ключа, пилот спасательного катера уйдет через восемь минут на смену, а очередь перекрыла аварийный проход, — сообщила вошедшая девушка, придерживая локтем сразу два терминала. Она говорила быстро, но не сбивчиво, словно перечисляла уже устраненные неполадки, и даже извинение за вторжение прозвучало лишь после того, как она убедилась, что Андрей ее услышал. — Извините. Я отправила инженера Нестерова за кофе, геолога Сомова пересадила к другому концу коридора, пилота поставила следующим, а еще четверых перенесла ближе к утру. Если вы продолжите в прежнем темпе, последний человек войдет сюда к полудню.

Светлые волосы были стянуты в тугой хвост, несколько выбившихся прядей прилипли ко лбу, на запястье мигал служебный браслет навигационного отдела. Девушка не выглядела смущенной, но смотрела на Андрея слишком внимательно, будто понимала, что позволила себе больше, чем принято, и теперь заранее оценивала, придется ли отстаивать каждое действие.

— Анастасия Крылова, координатор полевых групп и картограф, — представилась она, положив перед ним один терминал. — Мое собеседование было назначено на ноль пятьдесят. Сейчас час двенадцать.

Андрей не сразу взял устройство. Его раздражало не опоздание и даже не самовольство девушки, а то, насколько очевидно лучше стало за дверью: голоса стихли, шаги перестали метаться по коридору, а пилот, которого они действительно рисковали упустить, уже занял место возле входа.

— Кто разрешил вам менять порядок? — спросил Андрей, стараясь говорить ровно.

— Никто, — ответила Анастасия. Она на мгновение крепче сжала второй терминал, однако взгляда не отвела. — Но порядка не было, а разрешение, полученное после того, как люди подерутся и разойдутся по сменам, вряд ли сделает вас лучшим командиром. Если хотите, после собеседования я верну очередь в исходное состояние. Правда, для этого придется снова поссорить Нестерова с Сомовым.

Левин прикрыл рот кружкой, но спрятать улыбку не сумел. Саар-Эн, до этого неподвижно наблюдавший за человеческой очередью, чуть приподнял крайние отростки и сухо заметил, что кандидат изменила решения руководителя без его согласия. Анастасия перевела взгляд на серебристое лицо и столь же спокойно пояснила, что изменила только время, потому что решений в расписании не обнаружила. После короткой паузы Саа признал формулировку верной, а когда девушка поблагодарила, добавил, что это не являлось одобрением.

— Тогда можете забрать благодарность обратно, — сказала Анастасия и только после этого позволила себе едва заметно улыбнуться.

На экране находилось новое расписание. Кандидаты были разбиты по специальностям, медицинским ограничениям, времени до начала смены и предполагаемой продолжительности разговора; рядом с каждым именем стояли пометки: кого следовало отпустить раньше, кто прибыл после тяжелой работы и кому лучше не пересекаться с соседом по очереди. За двадцать две минуты ожидания Крылова успела сделать то, на что Андрей и Левин при помощи двух служебных терминалов потратили несколько часов подготовки, поэтому продолжать изображать недовольство означало спорить уже не с ее характером, а с очевидным результатом.

Андрей предложил ей сесть. Анастасия сперва уточнила, действительно ли начинается собеседование или командир еще решает, обидеться ли на самоуправство, и лишь после повторного приглашения опустилась в кресло, положив второй терминал рядом с анкетой.

Четыре года официальной практики в навигационном отделе колониальной экспедиции она без колебаний дополнила тремя годами работы помощником до получения допуска, а на вопрос Андрея, почему считает опыт, не подтвержденный документами, ответила, что правильно составленная карта не интересуется полномочиями картографа, а из-за неправильной погибают люди с безупречно оформленными удостоверениями. Последняя фраза прозвучала резче остальных. Девушка тут же вернула голосу деловую ровность, однако Андрей успел заметить, как на мгновение напряглись пальцы, лежавшие на краю терминала.

Крылова пришла не только с исправленным расписанием. Над столом развернулась карта Сиар'Ваала, на которую она перенесла предварительный план Андрея: архив Союза Тихих Вод, закрытое хранилище Конкордата, мастерские Магократии и торговые площадки, где можно было приобрести навигационные записи погибших кораблей. План, составлявшийся по ночам и казавшийся Вельскому первым настоящим шагом к Земле, оказался выложен в открытый раздел корабельной сети, содержал переход между двумя уровнями, которого в действительности не существовало, не учитывал смену грузовых потоков после дневного цикла и вел к архиву, демонтированному сто девять лет назад.

— Источник указывал действующий адрес, — произнес Андрей, уже понимая, насколько слабо звучит оправдание.

— Источник устарел, — ответила Анастасия. Она увеличила нужный сектор и провела пальцем по исчезнувшему маршруту. — Вы ищете дорогу в другую Вселенную по данным, которые не проверили даже внутри одной станции. Это не упрек, Андрей. У вас не хватает времени, знаний и людей, поэтому вы стараетесь удержать все сразу и неизбежно что-то роняете. Координатор нужен не для того, чтобы красиво раскрашивать ваши схемы, а для того, чтобы замечать упавшее раньше, чем на него наступит весь экипаж.

Левин, продолжавший наблюдать за разговором поверх кружки, негромко предложил сначала принять человека, а уже потом выяснять, куда именно Андрей успел выложить служебные документы. Саар-Эн подтвердил, что старый архив действительно демонтирован, и на возмущенный вопрос Вельского, почему он не предупредил, ответил с обычной буквальностью:

— Вы не спрашивали о его существовании.

Анастасия коротко взглянула на Андрея, но победного выражения на ее лице не появилось. Она лишь закрыла неверный маршрут и дождалась следующего вопроса.

Андрей предложил ей представить, что через несколько месяцев группа получает корабль и обнаруживает сигнал в системе, откуда никто не возвращался; запасов хватает на двадцать дней, сведения неполны, а командование требует немедленно проверить источник. Раньше этот вопрос распадался на короткие уточнения, заставляя кандидатов угадывать очередную ловушку. Крылова отказалась играть по таким правилам.

— В этой задаче нет маршрута, характеристик корабля, продолжительности перехода и причины, по которой сигнал нужно проверять именно сейчас, — сказала она, слегка подавшись вперед. В голосе впервые появилась не только деловая уверенность, но и раздражение человека, слишком часто видевшего, как чужая неподготовленность объявляется смелостью. — Если вы прикажете лететь немедленно, я выполню приказ, потому что в полете спорить поздно. До вылета я потребую данные, обратный коридор, точки связи и план поиска. Если подготовиться невозможно, риск все равно может оказаться оправданным, но тогда его нужно честно назвать отчаянием, а не героизмом. Я не готова погибнуть ради красивого жеста и не позволю вам принимать такой жест за план.

— А если времени на доказательства не останется? — спросил Андрей.

— Тогда решение примете вы, а я сделаю все, чтобы мы вернулись и смогли договорить, — ответила Анастасия уже спокойнее. — Преимущество вашей должности не в том, что вы всегда правы. Оно в том, что последнее слово придется произносить вам.

Затем Андрей спросил о Земле. Впервые за весь разговор Крылова замолчала надолго. Семь лет она составляла карты будущей колонии в системе Эридан-Шесть, знала высоты еще не освоенных гор, сезонные ветра и площадки для первых модулей лучше района, где выросла, и должна была превратить чужой мир в место, по которому остальные смогут ходить без страха заблудиться. Родители летели на «Гелиосе» вместе с ней. Девятнадцатилетняя сестра осталась на Земле заканчивать первый курс и перед вылетом пообещала присоединиться к семье следующим транспортом.

— В последний вечер я сказала, что она заблудится даже между космопортом и посадочным терминалом, — произнесла Анастасия, глядя на светящиеся линии станции. На губах появилась короткая улыбка, но удержать ее девушка не смогла. — Она ответила, что именно для этого у нее есть старшая сестра-картограф. Я не знаю, можно ли ее найти. Но дорогу, если она существует, можно построить. Для начала мне достаточно этого.

Андрей посмотрел на исправленное расписание, на перечеркнутый маршрут и на девушку, которая за неполный час успела упорядочить чужую очередь, обнаружить три его ошибки, поспорить с командиром и объяснить Саар-Эну, почему буквальность иногда нуждается в сопровождении. Решение оказалось проще многих предыдущих.

Крылова была принята координатором и картографом группы. Узнав об этом, она не обрадовалась вслух, а сразу потребовала назначить время первого рабочего совещания, получила обещание встретиться после сна, внесла в календарь десять часов и перед уходом забрала один из терминалов, потому что, по ее словам, оставлять оба человеку, открывшему служебный план для всей корабельной сети, было бы проявлением недопустимого оптимизма.

После ее ухода очередь начала двигаться быстрее. Пилот спасательного катера уложился в восемь минут и на седьмой честно признался, что не сможет покинуть жену и двух детей, пока «Гелиос» остается неподвижной мишенью в чужом доке; Андрей перевел его в резерв и впервые за ночь не почувствовал, будто отказывает человеку в дороге домой. Один инженер оказался незаменим для восстановления маршевых систем, два навигатора прекрасно знали человеческие суда, но терялись перед чужими интерфейсами, а молодой геолог соглашался лететь куда угодно и немедленно, хотя за пределами учебного полигона никогда не работал. Левин внес его в резерв, заметив, что через год парень либо приобретет опыт, либо научится бояться, и оба результата сделают его полезнее.

К двум сорока трем очередь сократилась почти вдвое. Усталость притупила голоса, чай перестал помогать, и даже Саар-Эн, казалось, стал еще неподвижнее, когда из коридора донесся крик человека, которому только что отказали. Крепкий мужчина в форме инженерной службы распахнул дверь, сминая в руке анкету, и потребовал объяснить, почему двенадцать лет работы с маршевыми двигателями оказались недостаточным основанием для приема, тогда как выбирать людей поставили «мальчишку, не командовавшего даже вахтой».

Андрей поднялся, но не успел ничего сказать. За плечом инженера появился широкоплечий десантник с коротко остриженными темными волосами и белым шрамом на правой брови. Он вежливо попросил мужчину выйти, получил требование убрать руку, еще раз предложил закончить разговор, а затем, когда инженер попытался прорваться внутрь, развернул его и прижал предплечьем к переборке. Все произошло почти без замаха, с пугающей точностью человека, для которого чужое сопротивление давно стало привычной задачей; только глухой удар металла и мгновенно побелевшие костяшки выдавали силу, оставшуюся в движении.

— Арес! — окликнул его кто-то из очереди, но десантник не отреагировал.

— Арес, отпустить, — приказал Андрей.

На этот раз реакция последовала сразу. Арес замер, повернул голову, и Андрей увидел в его глазах настоящий горячий гнев, который еще требовал продолжения и обещал облегчение, если позволить рукам закончить начатое. Несколько секунд десантник боролся уже не с инженером, а с собой; затем пальцы разжались, он отступил на шаг и, тяжело дыша через нос, извинился перед командиром за вмешательство без приказа.

Инженер ушел после того, как Левин посоветовал обжаловать решение лично Воронцову и непременно начать рапорт со слова «мальчишка», чтобы капитан сразу понял серьезность вопроса. В коридоре стало так тихо, что слышался шорох вентиляции. Арес остался возле двери, будто заранее принял отказ и теперь лишь ждал, когда ему позволят забрать собственное заявление.

Он был десантником, инструктором по рукопашному бою, имел допуски к легкому и тяжелому оружию и два взыскания, к которым без тени улыбки предложил добавить третье за произошедшее в коридоре. В кресло сел только после повторного приказа, положил руки на колени и сразу признал, что не должен был хватать инженера, даже если тот оскорбил командира. В этом признании не было ни попытки понравиться, ни желания уменьшить вину. Саркисян говорил прямо, немного напряженно и с едва заметным южным акцентом, а когда волновался, сильнее сжимал правую руку, словно удерживал ею собственный характер.

Первое взыскание Арес получил за то, что во время атаки на «Гелиос» слишком жестко остановил человека, пытавшегося вскрыть аварийный склад с оружием и дыхательными масками. Второе — уже после Излома, когда ударил техника, заявившего, что ради сохранения энергии следовало отключить школьный сектор. В первом случае Арес защищал корабль, во втором не защищал никого и честно сказал, что просто захотел ударить. Второй поступок он считал неправильным, знал, что при повторении тех же слов снова почувствует гнев, и все же был уверен, что сможет остановиться, если получит приказ.

Саар-Эн, внимательно наблюдавший за десантником, заметил, что приказ не устраняет эмоцию. Арес впервые повернулся к Саа и ответил, что приказ не должен менять чувства — достаточно, если он изменит то, что человек сделает руками. Формулировка заинтересовала Саар-Эна; крайние отростки слегка поднялись, кольца тихо коснулись друг друга, и он сухо признал разделение понятным.

— Не нужно верить, что я перестану злиться, — продолжил Арес, снова обращаясь к Андрею. Голос оставался ровным, но под этой ровностью ощущалось усилие. — Прикажите остановиться — и я остановлюсь. Если не остановлюсь, отвечу за это. Мне проще пообещать, что больше никогда не сорвусь, но тогда первое, что я сделаю в вашей группе, будет ложью.

Во время перехода через Излом его отделение помогало аварийной службе возле школьного сектора. Когда серебряные нити прошли через корпус и начали вытаскивать из человеческой памяти самое желанное, Арес увидел мать, умершую шесть лет назад: она стояла на кухне старой квартиры, ругалась из-за обуви в прихожей и звала его ужинать. Он знал, что кухни больше нет, слышал плач детей за спиной, держал на руках раненого товарища и все равно каждую секунду хотел развернуться, потому что голос мертвой женщины звучал реальнее гибнущего корабля. Трое бойцов его отделения умерли до перехода, двое не очнулись после, а он выжил и теперь не хотел однажды обнаружить, что люди привыкли к закрытой дороге, даже не попытавшись проверить, можно ли ее открыть.

— Вы готовы погибнуть ради поисков? — спросил Андрей.

— Нет, — ответил Арес так резко, что сам поморщился от громкости, а затем, уже тише, но с прежней убежденностью, продолжил: — Я не хочу погибать и не хочу, чтобы погибали вы или Крылова. Люди, которые заранее готовы красиво умереть, слишком легко начинают распоряжаться чужими жизнями. Я готов бояться, работать и идти туда, куда страшно. Если понадобится, встану между группой и тем, что захочет ее убить. Но обещать вам смерть не стану.

Андрей спросил, выполнит ли он приказ, который сочтет неправильным. Саркисян ответил, что сначала скажет об этом, вероятно, громче, чем следует, а затем подчинится, если приказ требует рискнуть человеческой жизнью ради задачи. Граница проходила там, где человека требовалось погубить ради самолюбия командира; такой приказ Арес исполнять не собирался и, если времени на спор не останется, был готов решить сам, а потом ответить перед теми, кто вернется.

В словах не было вызова. Арес не пытался заранее ограничить власть Андрея и не торговался за право на неповиновение — он просто показывал ту границу, которую уже провел внутри себя и не собирался прятать ради места в группе. Вельский посмотрел на Левина. Старший оператор едва заметно кивнул.

— Вы приняты, Саркисян, — сказал Андрей. — Но кандидатов больше руками не трогать, даже если они оскорбляют меня.

Напряжение покинуло лицо десантника так быстро, что перед ними словно оказался другой человек — молодой, искренне обрадованный и немного растерянный тем, что ему больше не нужно доказывать право находиться в комнате. Он широко улыбнулся, поблагодарил командира и у двери попросил разрешения остаться до конца отбора: инженер мог вернуться, а охрана, по его мнению, пока не относилась к сильным сторонам новой группы.

Оставшаяся часть ночи прошла без происшествий и почти без прямых разговоров. Усталые люди входили, садились перед столом, отвечали на несколько вопросов и уходили, унося с собой надежду, обиду или облегчение; некоторые действительно подходили для будущих экспедиций, но были слишком нужны «Гелиосу» сейчас, другие обладали прекрасной подготовкой и опасной уверенностью, что желание вернуться оправдывает любой риск. Несколько кандидатов сами просили перенести их в резерв, когда понимали, что поиск Земли не станет торжественным походом и может годами состоять из архивной пыли, чужих маршрутов и полетов, после которых никто не встретит группу в доке.

Андрей не считал отказавшихся трусами. После гибели конвоя, Излома и трех попыток штурма право не идти навстречу следующей катастрофе тоже требовало мужества.

К началу дневного цикла перед ним лежали четыре стопки. Два заявления были помечены словом «принять», девять отправлены в резерв, одиннадцати людям предложили вернуться после восстановления корабля, остальные получили отказ. По штатной структуре в группе могло быть десять человек.

Андрей набрал двоих.

Анастасию Крылову — координатора и картографа, способную составить расписание даже для конца света, а затем потребовать, чтобы тот явился вовремя.

Ареса Саркисяна — десантника, который честно предупредил командира, где заканчивается его подчинение, и еще до вступления в должность назначил себя охраной.

У группы по-прежнему не было пилота, специалиста по чужим двигателям, корабля и хотя бы приблизительного маршрута, по которому этот корабль однажды отправится. Но еще вчера не было и двух человек, готовых помочь Андрею искать дорогу.

За переборкой прозвучал сигнал начала дневного цикла. Андрей закрыл последнюю папку и впервые за всю ночь позволил себе откинуться на спинку кресла. Отбор закончился вместе с ночью. Впереди оставалось найти пилота, корабль и путь домой, но первый шаг уже был сделан.

Глава 2. Гонки на выживание.

Новый день начался раньше, чем Андрей успел закончить предыдущий. Дневное освещение уже заливало каюту, вытесняя синеву ночного режима; за переборкой ожила вентиляция, а в коридоре появились люди, успевшие поспать и потому вызывавшие у всех оставшихся почти физическую неприязнь.

Крылова ушла готовить первое совещание, назначенное на десять. Левин занял один стул, Саар-Эн — второй, Андрей продолжал сидеть за столом, а Арес, отказавшийся от свободного места, устроился на полу возле двери и уверял, что не спит, хотя его голова медленно опускалась на грудь.

— Он охраняет, — пояснил Левин, когда Андрей спросил, зачем новый подчиненный продолжает караулить уже пустой коридор. Старший оператор снял крышку с чайника, обнаружил на дне несколько капель и посмотрел на них с выражением человека, потерявшего последнего союзника. — От кого именно, выяснить не удалось. Возможно, от здравого смысла.

Арес, не открывая глаз, сообщил, что за всю ночь никто не сумел напасть на командира, следовательно, охрана справилась. Когда Андрей возразил, что пока не является капитаном и не имеет даже корабля, десантник лениво заметил, что проблемы разумнее решать по очереди: сперва обеспечить, чтобы будущий капитан дожил до корабля, а потом уже искать сам корабль. Левин признал довод убедительным, Саар-Эн назвал причинную связь неполной, и короткий спор закончился тем, что Арес все-таки открыл глаза.

За дверью ждали люди, не согласившиеся с решениями. Следующие сорок минут Андрей потратил на объяснения: не прятался за Левиным, не ссылался на документы и не обещал вернуться к вопросу позже. Пилоту рассказал, почему тот нужнее семье и поврежденному «Гелиосу», двух инженеров оставил в резерве до окончания ремонта, а молодому технику с незажившей рукой предложил прийти снова после выздоровления. Один кандидат ушел, хлопнув дверью, двое поблагодарили, остальные разошлись молча. К началу восьмого часа коридор наконец опустел.

Левин потребовал закончить ночь и отправиться спать. Андрей выслушал его, закрыл папку и сообщил, что через час должен быть на техническом уровне: заказчик уже дважды переносил настройку навигационной системы и в третий раз просто найдет другого специалиста. Сергей Павлович сперва решил, что ослышался, затем подробно объяснил, насколько плохой идеей считает работу после бессонной ночи, но все возражения разбились об одну цифру. Самый дешевый разведывательный корабль Саа стоил около ста пятидесяти тысяч кредитов. На личном счете Андрея было тридцать семь тысяч четыреста тридцать.

Общий фонд человечества не мог оплатить поисковую группу, пока каждую единицу ресурсов Тарновская уже распределила между ремонтом «Гелиоса», подготовкой высадки и будущим поселением. Если Андрей хотел однажды командовать кораблем, сначала требовалось заработать хотя бы на корпус.

Арес поднялся с пола и объявил, что идет вместе с командиром. В навигации и чужих технологиях он не разбирался, зато успел принести из столовой два брикета корабельного пайка и намеревался проследить, чтобы Андрей съел хотя бы один. Саар-Эн также решил присоединиться, объяснив свое участие необходимостью наблюдать, как Вельский игнорирует советы всех существ, выбранных ему в помощь.

— Еще месяц среди людей, и вы станете совершенно невыносимы, — сказал Левин, с неожиданным уважением посмотрев на Саа.

— Я уже вызывал у вас сходные реакции, — сухо напомнил Саар-Эн.

— Но теперь делаете это намеренно.

Саа не ответил. Это могло означать что угодно.

До мастерской они добирались почти час. Сиар'Ваал переходил к дневному циклу постепенно, словно огромная станция не включала утро, а медленно вспоминала о нем: вдоль транспортных линий гасли синие ночные указатели, раскрывались створки торговых помещений, из технических шахт поднимались грузовые платформы, и искусственный свет, лишенный единого источника, менял оттенок, изображая рассвет для существ, привыкших искать его в небе. Потоки обитателей становились плотнее. Высокие Саа бесшумно двигались вдоль стен, шумные группы марканианцев занимали середину переходов, представители неизвестных Андрею видов открывали лавки, меняли атмосферу внутри помещений и готовились торговать вещами, назначения которых человеческий переводчик не мог даже назвать.

На «Гелиосе» в это время завтракали. Андрей вспомнил об этом, когда Арес молча протянул ему запечатанный брикет пайка, принесенный еще до окончания отбора, а затем достал второй для себя. Для Саар-Эна еды не нашлось: десантник признался, что не знает, чем питаются Саа и питаются ли вообще. Саар-Эн сообщил, что пища ему сейчас не требуется; на осторожный вопрос Ареса, когда он спит и умеет ли шутить, ответил, что спит при необходимости, а шутит иногда, но люди обычно этого не понимают. Саркисян долго смотрел на него, затем спросил у Андрея, была ли последняя фраза шуткой. Вельский признался, что пытается выяснить это уже месяц.

Мастерская находилась ниже основных торговых площадок, там, где широкие галереи сменялись тесными техническими переходами, потолки становились ниже, а вместо названий над дверями появлялись номера секторов, допустимая масса груза и предупреждения, смысл которых часто был понятен даже без перевода. Возле нужного помещения висел красный знак, запрещавший включать гравитационные двигатели. Ниже кто-то приписал на четырех языках: «Особенно тебе».

За створкой скрывался длинный зал, заполненный разобранными машинами. Одни напоминали земные аэромобили, у которых забыли установить колеса; другие состояли из кресла, двигателя и нескольких изогнутых пластин, удерживавшихся рядом без видимых креплений. Под потолком висели корпуса гоночных аппаратов — узкие, легкие, лишенные всего, что не помогало набирать скорость. Воздух пах озоном, горячим металлом и сладкой жидкостью, медленно ползущей из соседнего помещения к вентиляционной решетке.

Хозяин ждал возле дальней платформы. Невысокое тело скрывала многослойная рабочая одежда, четыре тонкие руки заканчивались длинными пальцами, а вместо лица над воротником находилась гладкая темная поверхность, на которой во время разговора появлялись условные изображения глаз и рта. Сейчас рот был перекошен, над ним мигали три красных знака, а верхняя пара рук уже демонстрировала отношение владельца к людям, времени и опозданию на девять стандартных долей.

Андрей позволил ему высказать все, что накопилось, коротко напомнил, что заранее предупредил о задержке, и положил инструменты возле открытой машины. Хозяин мастерской умолк лишь после того, как понял, что специалист все-таки пришел, но последнее слово оставил за собой, приказав работать сразу четырьмя руками.

Спортивный гравитационный аппарат был не больше земного легкового автомобиля. Два посадочных места располагались одно за другим под общим прозрачным колпаком, короткий корпус расширялся возле двигателя и сужался к хвосту, разделенному на четыре подвижных стабилизатора, а вместо сопел по нижней поверхности проходили темные пластины гравитационных излучателей. Правая часть обшивки была снята. За ней открывались блоки, соединенные линиями света, и навигационный модуль размером с человеческую ладонь.

При виде системы усталость отступила. Здесь не требовалось оценивать чужую готовность к смерти и решать, кому позволено надеяться. Устройство либо работало, либо нет; ошибку можно было найти, исправить и проверить.

С железом по-прежнему было проще.

Неисправность проявлялась после резкого поворота: аппарат выходил на прямую, но еще три сотых стандартной доли продолжал корректировать направление, словно не замечал, что маневр закончился. На небольшой скорости задержка оставалась почти незаметной, во время гонки ее хватило бы, чтобы машина встретилась с ближайшей стеной раньше, чем пилот успеет понять причину. Хозяин несколько раз повторил, что все узлы прошли диагностику и работают правильно, а затем с такой выразительностью изобразил на темном лице оскаленный рот, будто исправность оборудования являлась личным оскорблением.

Андрей подключил земной терминал через переходник, собранный из трех чужих разъемов и части кабеля дальней связи. Навигационный блок ответил россыпью символов. Переводчик распознавал меньше половины, но за последний месяц Вельский привык к системам, которые не желали объяснять собственное устройство; он научился искать не знакомые обозначения, а взаимосвязи, задержки, повторяющиеся сигналы и тот едва уловимый момент, когда правильные по отдельности процессы начинали мешать друг другу.

Первые проверки подтвердили слова хозяина. Датчики отвечали вовремя, вычислитель строил траекторию без ошибок, каналы между ними не теряли ни одного импульса. Андрей прогнал систему еще раз, изменил скорость, нагрузку и угол поворота, но всякий раз получал безупречный результат до самого выхода из дуги — и лишь затем машина продолжала маневр. Арес наблюдал из-за плеча, стараясь не мешать и все же непроизвольно отступая от аппарата каждый раз, когда на испытательной схеме появлялась стена.

Саар-Эн подошел ближе, долго смотрел на открытую обшивку, а затем сообщил, что передний излучатель отличается от остальных. Хозяин нехотя признал: узел заменили двадцать два дня назад, задержка появилась через шесть дней, но новый излучатель обладал теми же характеристиками, что и прежний, поэтому связь между событиями он счел недоказанной.

Разница действительно не превышала долей процента. Новый модуль опрашивал пространство с чуть иной частотой, и навигационная система постепенно подстраивала под нее внутренний ритм, пока два независимых цикла не начали расходиться. Каждый элемент продолжал работать правильно.

Вместе они ошибались.

Андрей отключил автоматическую синхронизацию, перенес опорный сигнал на передний излучатель и изменил последовательность обработки трех потоков. На испытательной схеме возникла траектория. Машина вошла в дугу, вышла из нее и прекратила коррекцию точно в тот момент, когда линия выпрямилась.

Чужая технология больше не казалась чужой. Она просто ошибалась на другом языке.

Хозяин потребовал повторить проверку, затем еще одну, после чего долго смотрел на чистую траекторию двумя появившимися на темной поверхности белыми глазами. Он сообщил, что Андрей нарушил рекомендованную архитектуру и производитель наверняка проклянет подобное решение; Вельский предложил вернуть прежнюю конфигурацию. Верхняя пара рук мгновенно прикрыла доступ к модулю, а на условном лице появилось выражение, которое переводчик не распознал, но человек без труда назвал бы возмущением.

Перед отключением терминал потребовал подтвердить очистку временных данных. Обычно это было простой формальностью, однако среди технических строк мелькнуло число, заставившее усталость отступить окончательно.

Сто девяносто тысяч кредитов.

Рядом находились время начала, короткое обозначение маршрута и знак, который переводчик после нескольких попыток определил как «частное состязание с ограниченным уведомлением контролирующих органов». Формулировка звучала достаточно осторожно, чтобы за ней угадывалось нарушение сразу нескольких станционных правил.

Хозяин попытался закрыть окно всеми четырьмя руками, но Андрей отодвинул терминал и потребовал объяснений. Саа смотрел на сообщение спокойно, Арес — с быстро просы-

павшимся интересом, а владелец мастерской, поняв, что скрывать уже поздно, сообщил: через четыре часа закроется регистрация на нелегальную гонку по техническим уровням станции. Маршрут участники получат перед самым стартом, охрана о событии официально не знает, а победителю выплатят указанную сумму, если тот останется жив и сумеет добраться до финиша.

Тридцать семь тысяч четыреста тридцать кредитов на личном счете Андрея внезапно перестали выглядеть результатом месяца тяжелой работы. Самый простой разведывательный корабль Саа стоил около ста пятидесяти тысяч без вооружения, припасов и оборудования; одна победа могла дать больше, чем Вельский заработал, проверяя чужие процессы, исправляя чужие ошибки и позволяя представителям трех фракций покупать человеческий опыт по частям.

Нужно было всего лишь выиграть незаконную гонку на неизвестной трассе, не имея машины, допуска и пилота.

Разум перечислил причины, по которым это невозможно.

Надежда появилась раньше.

— Даже не думайте, — раздраженно произнес хозяин мастерской, сложив верхнюю пару рук на груди. На его лице поочередно возникли символы машины, закрытого допуска и человеческой фигуры, перечеркнутой красной линией. — У вас нет ничего, кроме желания погибнуть дорого.

Андрей ответил, что машину можно найти, допуск — получить, а желания погибать у него как раз нет. Последнее препятствие оказалось сложнее. Арес вспомнил, что однажды управлял десантной платформой, однако после нескольких уточнений выяснилось: поездка закончилась разрушенным погрузчиком, поврежденной стеной и рапортом, в котором слово «успешно» не встречалось ни разу.

Саар-Эн все это время продолжал смотреть на погасшее окно. Наконец он сообщил, что видел на «Гелиосе» человека, способного управлять подобной машиной: во время третьей попытки штурма Мансур Юсупов провел перегруженную маневровую платформу через технический переход на скорости, которую станционная система сочла ошибкой датчиков, а затем закрыл ею проход перед шестью преследовавшими его марканианцами. Платформа уцелела. Переход — не полностью. Марканианцы остановиться не успели.

— И вы молчали об этом с самого штурма? — спросил Андрей, не скрывая возмущения.

— До этой ночи вы избегали поиска экипажа, — напомнил Саар-Эн. Он произнес это без упрека, но Арес отвернулся, пряча улыбку. — Мансур Юсупов не подавал заявления. Я не утверждал, что он согласится.

Вельский попросил найти пилота. Слово «приказ» он намеренно не использовал: после опалы, закрытых для Саар-Эна секторов Союза и решений, которые тот больше не мог принимать от имени собственной расы, требовать от него очередной услуги было бы слишком похоже на неблагодарность. Саа назвал просьбу менее эффективной формой распоряжения, но согласился и направился к выходу.

— Ничего ему не обещайте, — сказал Андрей вслед.

Саар-Эн остановился у двери и, не оборачиваясь, ответил:

— Вы сами не знаете, что способны предложить.

Когда створка закрылась, хозяин мастерской напомнил, что у людей по-прежнему нет машины. Андрей спросил, где ее можно найти. На темном лице возникла широкая светлая дуга.

В обмен на адрес спонсора Андрей согласился снизить цену ремонта.

Слово, которым хозяин мастерской назвал владельца подходящего аппарата, переводчик сперва передал как «держатель права на риск», затем как «владелец вероятности» и лишь с третьей попытки предложил знакомое определение — спонсор. Им оказался Наар-Кел, представитель Саа, чье имя последние три года связывали на технических уровнях с таким коли-

чеством неудач, что даже раса, не склонная верить в судьбу, предпочитала держать от него подальше деньги, машины и собственные планы.

Они нашли его двумя уровнями ниже, в небольшом заведении между складом списанных гравитационных пластин и мастерской станционных оболочек. В центре помещения находился неглубокий бассейн, по черной воде плыли круглые светильники, а под прозрачным дном перемещались цветные тени. Наар-Кел сидел в дальнем углу перед пятью пустыми сосудами и шестым, наполовину заполненным густой темной жидкостью. Серебристая чешуя потускнела, отростки неподвижно лежали вдоль спины, кольца были сняты и аккуратно сложены возле края платформы — единственная деталь, в которой даже опьяневший Саа сохранил безупречный порядок.

Арес тихо спросил, умеют ли Саа пьянеть. Наар-Кел поднял голову и прямо в сознании десантника сообщил, что умеют и прекрасно слышат людей с противоположной стороны помещения. Саркисян извинился, на что Саа сухо заметил: извинение не уменьшило степень его интоксикации. Даже под действием чужой жидкости Наар-Кел не говорил громче, не терял слов и не превращал раздражение в жесты; лишь паузы между мыслями стали длиннее, словно переводчику приходилось вылавливать их из медленного течения.

Андрей вывел над платформой объявление о гонке и предложил сделку: Наар-Кел предоставляет аппарат, люди участвуют, а в случае победы владелец получает долю. Саа внимательно изучил условия, напомнил, что при поражении может потерять последнюю машину, и назвал умение Вельского убеждать недостаточным. Андрей не стал спорить. Историю спонсора он уже услышал по дороге.

Три года назад Наар-Кел владел двумя спортивными аппаратами и частью гоночной команды. Первый разбился во время квалификации, хотя последующая диагностика не нашла ни одной неисправности. Второй конфисковали за долг партнера, о существовании которого Наар-Кел узнал лишь после решения торгового суда. Оставшиеся средства он вложил в новую машину, но пилот исчез за день до старта вместе с навигационным модулем. Следующую гонку закрыла служба безопасности, в другой записи финиша случайно пропали, затем случились отказ двигателя, ошибочный допуск, столкновение на старте и участник, перепутавший маршрут. Последний аппарат оставался у Наар-Кела только потому, что никто больше не хотел связывать собственную ставку с его именем.

— Вам три года не везет, — произнес Андрей, выдерживая тяжелый черный взгляд. — Машина стоит в боксе, не разбивается и не приносит ничего, кроме расходов. Я предлагаю шанс это изменить. Можете считать слова о невезении оскорблением, но тогда объясните, как назвать происходящее точнее.

Отростки Наар-Кела медленно поднялись. Он сообщил, что события действительно подтверждают неспособность владельца получить выгодный исход, однако из этого не следует отсутствие потерь: машина все еще принадлежит ему и продолжает существовать именно потому, что не участвует в гонках. Андрей согласился — в боксе аппарат не разобьется. Не выиграет он там тоже.

Холодное внимание коснулось сознания Вельского прежде, чем Наар-Кел пошевелился. Оно пришло не голосом и не сформулированной мыслью, а тяжелым присутствием чужого разума, от которого воздух в зале на мгновение показался плотнее, звуки отдалились, а собственные мысли начали двигаться с неприятной медлительностью, словно им приходилось пробираться сквозь толщу холодной воды. В этом прикосновении не было ни приказа, ни попытки подчинить, однако Андрей все равно невольно напрягся: даже после месяца, проведенного рядом с Саар-Эном, он так и не научился воспринимать чужое сознание как нечто обыденное.

— Вы называете себя удачливыми, — произнес Наар-Кел.

Узкий рот Саа при этом почти не шевельнулся. Слова возникли непосредственно в сознании Андрея, уже переведенные в понятия, для которых человеческому языку требовались звук,

интонация и выражение лица. Вместе с ними пришло несколько холодных образов: охваченный огнем конвой, распоротый корпус «Гелиоса», бесформенная тьма Излома и вооруженные марканианские отряды, трижды приближавшиеся к шлюзам. Наар-Кел не мог видеть все это собственными глазами, но успел изучить историю людей, уже известную станции, и теперь выкладывал ее перед Вельским с беспощадной последовательностью бухгалтера, обнаружившего ошибку в расчетах.

— Вы прошли через область пространства, из которой не возвращаются. Потеряли остальные корабли. Утратили возможность продолжать полет. За один местный месяц вас трижды пытались захватить. Значительная часть вашего имущества уничтожена, будущее поселение еще не построено, а ваш вид не располагает собственным исправным средством межзвездного перемещения. Из всех разумных существ на Сиар'Ваале вы меньше всех подходите для рассуждений о везении.

Андрей дождался, пока последнее слово перестанет давить на сознание, и только после этого ответил:

— Поэтому мы и подходим. Нам везет еще меньше, чем вам.

Наар-Кел замер. Его вытянутое лицо осталось неподвижным, но ментальное присутствие отступило, словно Саа действительно пришлось выделить часть внимания на проверку услышанного. Андрей не знал, пытался ли тот найти в его словах скрытый смысл или просто определить, можно ли считать сказанное доводом.

— Это не подтверждает вашу удачу, — наконец заключил Наар-Кел.

— Зато подтверждает опыт. Вы три года проигрывали гонки, сделки и все остальное, о чем успели нам рассказать. Мы за один день потеряли целый мир, а за следующий месяц пережили еще три штурма. Если здесь и есть кто-то, способный понять ваше положение, то он сейчас сидит напротив.

— Вы не понимаете моего положения.

— Тогда объясните.

Ответ пришел не сразу. В сознании Андрея мелькнули образы машин, разобранных на части, стартовых платформ, долговых записей и стремительно сокращавшихся чисел на электронном счете. Через несколько мгновений они исчезли, оставив после себя ощущение медленного падения, которое продолжалось так давно, что превратилось для Наар-Кела в привычное состояние.

— Три года назад вероятность моего успеха оценивалась выше средней, — сообщил Саа. — Я располагал средствами, связями и доступом к технологиям. Сейчас у меня остался один исправный аппарат, ограниченный доступ к стартовым площадкам и обязательства, превышающие стоимость большей части имущества. Ваше положение отличается.

— Конечно, отличается, — согласился Андрей. — У нас нет даже одного исправного аппарата.

Стоявший у стены Арес коротко фыркнул, но вмешиваться не стал. Он наблюдал за Наар-Келом с тем настороженным вниманием, с каким привык оценивать противника перед дракой, хотя сейчас перед ним находился не противник, а последнее существо на станции, которое еще могло добровольно предоставить людям гоночную машину.

Наар-Кел снова коснулся сознания Вельского. На этот раз давление оказалось сильнее, и вместе с ним пришло сухое, почти лишенное эмоций недоумение.

— Отсутствие имущества также не является признаком везения.

— Я начинаю замечать, что вы очень требовательны к доказательствам.

— Требования к доказательствам не могут быть чрезмерными.

— Могут, если из-за них мы оба останемся без денег.

Холодное присутствие дрогнуло. Возможно, Наар-Кел пытался распознать шутку, однако так и не пришел к однозначному выводу.

Арес, до этого молчавший, оттолкнулся плечом от стены и подался вперед. Веселье исчезло с его лица, а в голосе впервые после прихода не осталось ничего легкого:

— Нас пытались убить чужой флот, Излом и три абордажных отряда, — сказал он, глядя прямо на Саа. — Многие не пережили даже первое, и я не стану называть это удачей. Но две тысячи человек все еще живы. Если невезение действительно ходит за нами по пятам, у него очень плохой прицел.

Наар-Кел медленно перевел взгляд с десантника на Андрея.

— Погибшие люди не могут подтвердить этот вывод.

Лицо Ареса окаменело, и Вельский успел поднять ладонь раньше, чем тот ответил. В словах Саа не было ни издевки, ни желания задеть; Наар-Кел лишь указал на ошибку в рассуждении, совершенно не понимая, почему подобная точность могла прозвучать оскорбительно.

— Не могут, — признал Андрей. — Поэтому подтверждать будем мы.

Он указал на прозрачные сосуды, стоявшие перед Наар-Келом. На дне одного из пустых сосудов еще оставалось несколько капель прозрачной жидкости, от которых по внутренней поверхности медленно поднимались серебристые пузырьки.

— Посмотрите на нас. Мое невезение привело меня на эту станцию, ваше — в этот зал. Вы остались с машиной, которая не приносит денег. Я остался с командой, которой не на чем летать. Через несколько часов состоится гонка с призом в сто девяносто тысяч кредитов. По отдельности ни один из нас туда не попадет, а вместе у нас хотя бы появляется шанс.

— Низкий.

— Другого у нас все равно нет.

— Отсутствие альтернативы не повышает вероятность успеха.

— Нет, — Андрей откинулся на спинку кресла и устало потер переносицу. — Но иногда помогает перестать выбирать и наконец что-нибудь сделать.

Молчание затянулось. Под прозрачным полом прошла длинная цветная тень, напоминавшая огромное морское животное, хотя Андрей уже знал, что в расположенных ниже резервуарах обитали лишь декоративные организмы, выведенные Саа для освещения. Светильники на воде качнулись, по стенам пробежали бледные отражения, а в сознании Вельского возникло ощущение медленного потока, огибающего неподвижный камень. Наар-Кел думал не словами; перевод лишь придавал его решению форму, удобную человеческому разуму, и Андрей не мог понять, приближается ли тот к согласию или ищет наиболее короткий способ выставить незваных гостей за дверь.

Наконец Саа поставил опустевший сосуд на стол.

— Восемьдесят процентов награды принадлежат мне.

Андрей несколько секунд смотрел на него, ожидая продолжения, но Наар-Кел счел предложение исчерпывающим.

— Пятьдесят, — ответил Вельский.

— Это несоразмерно.

— Половина приза за машину, которая сейчас стоит без дела, вполне соразмерна.

— Аппарат принадлежит мне. Разрешение на участие оформлено на меня. Ответственность перед Союзом Тихих Вод несу я. Вы и ваш пилот рискуете добровольно.

— Мы рискуем не только добровольно, но еще и целиком, — заметил Андрей. — Если аппарат разобьется, вы потеряете имущество. Если разобьемся мы, то потеряем несколько больше.

— Стоимость человеческой жизни не определена в общей валюте.

— Вот поэтому не пытайтесь включить ее в расчеты. Пятьдесят процентов.

— Восемьдесят.

Андрей посмотрел на Ареса. Тот беззвучно повторил последнее число, после чего выразительно покрутил пальцем у виска. Наар-Кел проследил за движением и повернулся к Вельскому.

— Ваш спутник считает меня умственно неполноценным?

— Он считает, что восемьдесят процентов — слишком много, — невозмутимо объяснил Андрей.

— Для выражения этой мысли не требовалось движение пальца.

— У людей множество избыточных способов выражать мысли. Это один из самых понятных.

Наар-Кел принял объяснение, хотя Аресу от этого легче не стало.

— Семьдесят пять процентов, — произнес Саа.

— Пятьдесят пять, — ответил Андрей. — И вы получаете не только деньги. Если мы победим на аппарате, который вы три года не решались вывести на трассу, его репутация изменится. Возможно, вы сможете продать машину дороже или снова найти спонсоров.

— Если вы проиграете, ее репутация ухудшится.

— Судя по вашим словам, дальше ухудшаться уже почти некуда.

Наар-Кел посмотрел на стоявшие перед ним сосуды, словно впервые задумался, насколько подробно успел описать свое положение.

— Семьдесят.

— Пятьдесят пять.

— Вы не изменили предложение.

— Я надеялся, что вы не заметите.

— Я заметил.

— Тогда шестьдесят процентов вам, сорок нам. Последнее предложение.

— Предыдущие предложения вы также называли последними.

— Нет, предыдущие я просто называл. Последним будет это.

Наар-Кел коснулся края стола длинными пальцами. По сознанию Андрея прошла еще одна волна чужого внимания, но теперь в ней не ощущалось давления — только холодный расчет, перебирающий вероятности, стоимость аппарата, возможный выигрыш и последствия передачи технологии представителям расы, чье появление уже вызвало разногласия внутри Союза Тихих Вод.

— Шестьдесят процентов мне, — повторил Саа. — Сорок — вам.

Из ста девяноста тысяч кредитов группа могла получить семьдесят шесть. Вместе с личными накоплениями Андрея этого все равно не хватало на самый дешевый разведывательный корабль, однако расстояние до него сокращалось больше чем вдвое, а возможность переставала выглядеть совершенно недостижимой.

— Согласен, — сказал Вельский.

— Условия не изложены полностью.

Андрей прикрыл глаза. Конечно. Было бы слишком просто, если бы существо, три года терпевшее неудачи, вдруг согласилось доверить единственное оставшееся имущество двум незнакомым людям без списка ограничений длиной в половину станции.

— Излагайте.

— Все повреждения аппарата оплачиваются до раздела награды.

— Только те, которые появятся во время гонки, — сразу уточнил Андрей. — Состояние машины фиксируем до старта. Мы не станем оплачивать то, что вы сломали за последние три года.

— Я не ломал аппарат.

— Тогда вам нечего опасаться.

Наар-Кел выдержал короткую паузу.

— Состояние будет зафиксировано совместной диагностикой.

— Принимается.

— Союз Тихих Вод ограничивает передачу технологий другим расам. В отношении людей ограничения усилены после действий Саар-Эна.

Имя прозвучало без эмоций, но вместе с ним Андрей ощутил глухое раздражение, слишком слабое и непривычное, чтобы Наар-Кел успел его скрыть. Решения Саар-Эна, его открытая поддержка «Гелиоса» и готовность защищать интересы пришельцев уже превратили людей из любопытной находки в предмет внутреннего спора. Для самого Саар-Эна этот спор обернулся опалой, а для остальных Саа — необходимостью всякий раз объяснять, почему очередной контакт с человечеством не угрожает первичной прибыли их народа.

— Если власти Союза потребуют вернуть аппарат, соглашение прекращается, — продолжил Наар-Кел. — Если на меня будет наложено взыскание, его сумма вычитается из вашей доли.

— Нет.

— Причиной взыскания станете вы.

— Причиной станет ваше решение передать нам машину, — возразил Андрей, положив ладонь на стол рядом с пустыми сосудами. — Вы знаете законы своей фракции лучше нас, понимаете политический риск и все равно соглашаетесь, потому что хотите получить сто четырнадцать тысяч кредитов. Не нужно делать вид, будто мы заставляем вас участвовать.

— Без людей участие невозможно.

— Без вашей машины — тоже. Значит, взыскание делим пополам.

— Это уменьшит мою прибыль.

— Оно уменьшит и нашу. В этом смысл общей ответственности.

— Вы получите меньше средств на приобретение корабля.

— А вы — на выплату долгов. Теперь мы оба понимаем последствия.

Ментальное прикосновение вернулось, на этот раз почти незаметное. Наар-Кел словно осторожно проверял каждую мысль Вельского, пытаясь найти за словами скрытый расчет, но Андрей не лгал. Он действительно нуждался в этой машине, действительно был готов рискнуть и столь же искренне не собирался оплачивать чужую жадность только потому, что находился в безвыходном положении.

— Взыскание делится поровну, — наконец согласился Саа. — При условии, что нарушение не будет вызвано действиями людей, о которых мне не сообщили.

— Если Манс решит угнать аппарат и основать на нем собственное государство, отвечать будете не вы, — пообещал Андрей. — А все взыскания, связанные с самой гонкой, делим пополам.

— Кто такой Манс?

Вельский на мгновение замялся.

— Надеюсь, наш пилот.

— Вы еще не располагаете пилотом?

— Он уже найден. Просто пока об этом не знает.

Наар-Кел долго смотрел на него. Даже Арес отвернулся, скрывая улыбку.

— Вероятность успеха снизилась, — сообщил Саа.

— Зато теперь вы лучше понимаете, почему нам так нужна удача.

Наар-Кел принял и этот довод, после чего протянул через стол руку. Его пальцы были длиннее человеческих, суставы сгибались немного иначе, а мелкая чешуя на ладони оставалась прохладной даже в теплом воздухе зала. Андрей ответил на жест, и пальцы Саа осторожно сомкнулись вокруг его ладони. Несмотря на осторожность, человеческие суставы сразу напомнили о разнице в физической силе.

— У людей рукопожатие означает, что договор заключен, — пояснил Вельский.

— У Саа — также.

Наар-Кел продолжал держать его руку.

Андрей подождал несколько секунд, затем осторожно попытался высвободить ладонь, но пальцы только сомкнулись плотнее.

— Тогда почему вы не отпускаете?

— Проверяю.

— Что именно?

— Насколько быстро изменится моя удача после заключения договора с людьми.

— И как?

Наар-Кел наконец разжал пальцы.

— Боль в ваших суставах появилась раньше моей прибыли. Наблюдение пока не завершено.

Машина находилась в закрытом боксе за заведением. Когда створки разошлись, помещение показалось пустым; затем по полу пробежала серебряная линия, за ней возникла вторая, маскирующее поле погасло, и на низких опорах проявился аппарат, похожий одновременно на наконечник копья и хищную птицу со сложенными крыльями.

Он был длиннее машины в мастерской, но почти вдвое уже. Две вытянутые половины корпуса соединялись центральной кабиной, из бортов выступали изогнутые гравитационные плоскости, прижатые к серебристой обшивке и готовые разойтись после запуска. Поверхность покрывали царапины, одна из передних пластин отличалась оттенком, но даже неподвижный аппарат выглядел быстрым, словно остановка являлась для него временной и противоестественной.

Наар-Кел открыл кабину. Внутри находились два кресла: переднее почти лежало в узкой нише, второе стояло выше и было окружено полукольцом управляющих поверхностей. Саа объяснил, что пилот задает движение и принимает непосредственные решения, тогда как навигатор распределяет нагрузку, выбирает гравитационные потоки и открывает траектории, постоянно меняющиеся под влиянием станции, других аппаратов и крупных движущихся масс. Оба участника были обязательны; ошибка любого из них заканчивалась одним столкновением на двоих. Арес назвал устройство справедливым. Наар-Кел уточнил, что справедливость при проектировании не учитывалась.

Андрей забрался во второе кресло. Воздух вокруг наполнился тонкими линиями: одни обозначали положение машины, другие уходили за стены бокса и изгибались под воздействием невидимых масс станции, между ними вспыхивали точки возможного входа. Вельский узнал принцип — система, которую он только что ремонтировал, была упрощенной версией этой, — однако спортивная навигация не строила дорогу заранее. Она показывала направление падения в искусственно созданном поле, и выбирать его требовалось быстрее, чем разум успевал полностью осмыслить карту.

Наар-Кел продемонстрировал аварийное отключение, распределение нагрузки и последовательность сброса перегрузки. Андрей повторил действия дважды. На третий раз Саа убрал часть подсказок, Вельский нажал неверный символ, и полукольцо погасло.

— Вы отключили навигацию, — сообщил Наар-Кел и, когда Андрей раздраженно ответил, что заметил, добавил: — В полете не успели бы.

Арес, стоявший у стены, предложил отказаться, пока они не зарегистрировались. Андрей ответил, что отсутствие регистрации делает происходящее не поздним, а ранним этапом ошибки, и десантник после короткого размышления признал: бессонная ночь многое объясняет.

Из коридора донеслись быстрые шаги. Незнакомый мужской голос заговорил еще до того, как дверь открылась:

— Сразу уточню: платформу перегрузил я, но виноваты марканианцы. Стена тоже была повреждена раньше. Наверное. Проверить не успел.

В бокс вошел молодой мужчина в расстегнутой куртке летного комбинезона. На плече висела сумка, темные волосы растрепались, словно он собирался на ходу, улыбка появилась раньше, чем взгляд успел найти собеседников. Он двигался быстро и легко, с постоянной готовностью изменить направление, будто окружающий мир немного запаздывал и ему приходилось ждать, пока тот догонит.

Следом появился Саар-Эн.

Саар-Эн представил людей. Мансур Юсупов немедленно потребовал называть себя Мансом, пояснив, что полную форму имени родители выбрали из лучших побуждений, а он из таких же побуждений старается ею не пользоваться. За следующую минуту пилот успел пожать руки Андрею и Аресу, поинтересоваться, является ли имя десантника должностью, и сообщить, что уже месяц знает о новом командире группы, потому что половина «Гелиоса» пытается найти Вельского, а вторая ищет только в выделенной каюте и потому никогда не находит.

Наар-Кел, наблюдавший за человеком неподвижными черными глазами, спросил у Саар-Эна, всегда ли тот говорит. Саа сообщил, что за время пути самая длинная пауза составила двадцать три секунды. Манс удивленно уточнил, зачем собеседник считал молчание и почему ничего не сказал.

— Я ждал повторения, — ответил Саар-Эн.

Андрей рассмеялся. Смех вышел хриплым после бессонной ночи, но напряжение, державшее плечи с первого собеседования, впервые ослабло.

Затем Манс увидел машину и замолчал.

Пауза продлилась дольше двадцати трех секунд. Пилот медленно обошел аппарат, не касаясь корпуса, заглянул под переднюю плоскость, оценил крепления стабилизаторов и только после этого легонько постучал ногтем по замененной пластине. Затем заглянул в кабину. Улыбка исчезла, движения стали осторожнее, а в глазах появилось то сосредоточенное уважение, с которым человек смотрит на незнакомый механизм, способный исполнить давнюю мечту или убить при первой ошибке.

— Она вообще летает? — спросил он, обернувшись к Наар-Келу. — Только честно. Не «теоретически способна сохранять устойчивость», а поднимается над полом и не пытается убить экипаж в первые десять секунд?

— Аппарат исправен, — сухо ответил Саа.

— Это я уже слышал. Когда он в последний раз покидал бокс?

— Три года назад.

Улыбка медленно исчезла с лица Манса. Он снова посмотрел на машину, затем сочувственно погладил ее по корпусу, будто перед ним стоял забытый хозяином зверь.

— Три года… Да она, наверное, летать соскучилась.

— Неживой механизм не способен испытывать тоску, — возразил Наар-Кел.

Манс покосился на него и вновь повернулся к аппарату.

— Вот поэтому она у тебя три года и не летала. С машиной иногда разговаривать надо.

— Разговор не влияет на работу исправных систем.

— Значит, сначала поговорю с ней, а потом проверю системы. Посмотрим, что поможет быстрее.

Наар-Кел замолчал, вероятно пытаясь определить, действительно ли человек намеревался вести беседу с транспортным средством. Манс тем временем ласково похлопал аппарат по обшивке и негромко добавил:

— Не переживай, красавица. Сегодня мы отсюда выберемся. Вопрос только в том, вернемся ли обратно.

Андрей показал объявление о гонке и коротко объяснил условия. Сто девяносто тысяч требовались не ему и не пилоту, а группе космической разведки, которая должна была искать Землю; кроме самого Андрея, в группе пока состояли два человека, корабля не было, гонка считалась незаконной, а вероятность благополучно добраться до финиша владелец машины определял словом «достаточная», не уточняя, к какому исходу оно относится.

Манс выслушал не перебивая. Веселье постепенно ушло с лица, и Андрей впервые увидел за быстрыми движениями и привычкой превращать любую неловкость в шутку человека, который прекрасно понимал, почему не стоял ночью среди кандидатов.

— Я не пилот дальнего космоса, — сказал он, проведя ладонью над краем аппарата. — Атмосферные машины, челноки, маневровые платформы, все, что плохо закрепили перед запуском, — это ко мне. На разведчиках летал только пассажиром, а среди ваших заявлений наверняка были люди с сотнями часов настоящей практики. Если Саар-Эн привел меня потому, что я один раз удачно уронил платформу поперек прохода, то это не рекомендация. Это хороший анекдот.

Андрей объяснил, что часть опытных пилотов нельзя было забрать с поврежденного «Гелиоса», а остальные оказались не готовы лететь без понятной цели и гарантированного возвращения. Это не делало Манса лучшим кандидатом автоматически, но давало ему возможность доказать, что Саар-Эн заметил в нем не только способность быстро удирать от марканианцев.

Пилот долго смотрел в кабину, засунув руки в карманы. Когда заговорил снова, голос остался живым, но шутливая легкость исчезла.

— Во время гибели конвоя мой катер стоял в транспортном отсеке исправным и заправленным, — произнес Манс, не отрывая взгляда от переднего кресла. — Я мог поднять его за три минуты, слышал, как гибнут корабли, видел отметки и все равно ждал приказа, потому что самостоятельный запуск открыл бы шлюз и убил людей рядом. Приказ не пришел. Потом появился Излом. На Земле остался младший брат; перед вылетом он сказал, что я умею разгоняться быстрее, чем думать, и обычно был прав. Поэтому заявления от меня не было. Вам требуются люди, способные вести корабль через неизвестность, а не парень, однажды удачно избежавший стены.

— Сегодня мне не нужен пилот на годы, — сказал Андрей. — Нужен человек, который проведет эту машину по одной трассе. Если выиграем, у группы появится шанс купить корабль. После гонки сами решите, хотите ли иметь к нему отношение.

Манс перевел взгляд на аппарат, затем на Саар-Эна, который не обещал ему ни безопасности, ни места в группе, и наконец на Ареса. Десантник ничего не сказал; впервые с начала разговора он понимал, что лишняя реплика только помешает.

— Хорошо. Я поведу. Если откажусь сейчас, брат никогда мне этого не простит, даже если мы не найдем дорогу и он об этом не узнает.

Облегчение Андрея продлилось несколько секунд.

Пилот спросил, кто займет второе кресло. Ответом стала тишина. Андрей посмотрел на место навигатора, затем на Саар-Эна; тот напомнил, что его просили найти именно пилота, а вопрос о втором участнике не задавался. Логика была безупречной и именно поэтому особенно раздражала.

Наар-Кел указал на Вельского: по словам хозяина мастерской, человек только что восстановил сходную систему, понял ее быстрее большинства начинающих и уже сумел один раз отключить управление, следовательно, до старта ему требовалась тренировка. Манс последовательно уточнил, участвовал ли Андрей в гонках, управлял ли гравитационной машиной и работал ли спортивным навигатором. Получив три отрицательных ответа и пояснение, что его будущий напарник является связистом, пилот медленно кивнул.

— Вы специально оставляете плохие новости на конец? — спросил он. Андрей ответил, что только учится командовать. — Получается убедительно, — признал Манс и забросил сумку к стене.

Он уже собирался занять переднее кресло, когда Наар-Кел напомнил о договоре: шестьдесят процентов награды получает владелец машины. Пилот медленно выбрался обратно, посмотрел сначала на Саа, затем на Андрея и с искренним возмущением сообщил, что командир успел продать большую часть его победы еще до знакомства.

Андрей объяснил, что речь идет о победе группы, а первоначальное требование составляло восемьдесят процентов. Это не успокоило Манса. Он попытался возобновить торг, получил от Наар-Кела сухое сообщение о заключенном договоре и несколько минут доказывал, что соглашение без пилота напоминает продажу машины без двигателя. Времени оставалось слишком мало. Вельский остановил спор, пообещав после победы обсудить распределение человеческой доли, и указал на кабину.

— Вы будете ужасным руководителем, — сказал Манс, все-таки занимая место. Андрей заметил, что новый координатор сформулировала ту же мысль вежливее, и коротко объяснил, как Крылова попала в группу. Пилот посмотрел на Ареса и спросил о его собеседовании. — Прижал кандидата к стене, — честно признался десантник.

Манс несколько секунд переводил взгляд с Андрея на Ареса, затем посмотрел на невозмутимого Наар-Кела и, видимо придя к окончательному выводу, уселся в кресло. Обивка жалобно скрипнула, когда он откинулся на спинку и принялся устраиваться с таким видом, будто уже находился в собственной машине.

— Знаешь, командир, я беру свои слова обратно, — объявил он, затягивая ремни и с трудом сдерживая улыбку. — Эта команда тебе подходит идеально. Один собирается участвовать в гонке, ни разу не видев трассы, второй охраняет нас от владельца машины, а сам владелец, похоже, заранее подсчитывает убытки. На вашем фоне даже я начинаю выглядеть ответственным человеком.

Первые минуты тренировки подтвердили: незнакомую машину Манс понимал почти инстинктивно, но чужие инструкции считал помехой, а не условием выживания. Он разобрался в назначении основных элементов управления быстрее, чем Наар-Кел успел закончить объяснение, и уже потянулся к панели тяги, когда Саа остановил его коротким ментальным импульсом.

— Я не завершил инструктаж, — сухо сообщил Наар-Кел.

— А я уже все понял, — отозвался Манс, не сводя горящих глаз с приборов.

— Это невозможно.

— Вот сейчас и проверим.

На первой попытке пилот провел аппарат по заданной траектории почти без ошибок, на второй — добавил к учебному маневру совершенно необязательный разворот вокруг продольной оси и вышел к контрольной точке с таким довольным видом, будто только что выиграл настоящую гонку. Наар-Кел изучил показатели и сообщил, что лишнее движение ухудшило результат на две сотых доли времени.

— Зато теперь на него было приятно смотреть, — возразил Манс, погладив край панели.

— Зрелищность не входила в условия упражнения.

— Значит, условия составлял человек без воображения.

— Их составлял я.

Манс покосился на неподвижного Саа и широко улыбнулся:

— Я догадался.

Наар-Кел ничего не ответил, однако расположенные у его висков отростки слегка приподнялись. За месяц Андрей успел научиться считать это признаком раздражения, хотя у Саар-Эна подобное движение обычно выглядело гораздо сдержаннее. Манс же, не знакомый с осо-

бенностями чужой мимики, воспринял молчание как признание собственной правоты и приготовился повторить маневр еще раз, но теперь уже в другом направлении.

— Не надо, — предупредил Андрей.

— Я еще ничего не сделал.

— Именно поэтому и предупреждаю заранее.

Когда Вельский занял второе кресло, выяснилось, что умение управлять машиной и способность действовать вместе с навигатором являлись двумя совершенно разными видами таланта, причем наличие первого вовсе не гарантировало даже зачатков второго. Прозрачная обшивка кабины исчезла за линиями гравитационной карты, и окружающий бокс словно растворился, уступив место структуре, которую человеческое зрение не должно было воспринимать без предварительной подготовки. Станция предстала перед Андреем не набором уровней, стен, переходов и металлических конструкций, а огромным искривлением пространства, разделенным на сотни непрерывно движущихся потоков. Каждый двигатель, грузовой модуль, подъемная платформа и проходивший поблизости аппарат оставляли в поле собственный след; безопасные коридоры раскрывались на несколько секунд, изгибались вслед за чужой массой и схлопывались, едва рядом проходил достаточно крупный объект.

В привычной навигации дорога существовала независимо от того, двигался по ней корабль или нет. Здесь же она рождалась только на мгновение, и любое промедление превращало открытый путь в стену.

Нужно было выбирать не дорогу. Нужно было выбирать, куда падать.

Андрей несколько раз моргнул, пытаясь отделить важные линии от десятков второстепенных, но карта продолжала меняться быстрее, чем он успевал ее осмыслить. Где-то на границе зрения вспыхивали предупреждения, перед глазами накладывались друг на друга расчетные траектории, а каждое движение Манса меняло всю картину раньше, чем Вельский успевал принять решение.

— Договоримся сразу, — произнес пилот, повернув к нему голову. — Если впереди появится что-нибудь большое, тяжелое и способное размазать нас по стене, не надо рассказывать мне его размеры, скорость и историю постройки. Просто скажи, куда поворачивать.

— Хорошо. А ты не входишь в поток, пока я не дам команду.

Улыбка Манса слегка померкла.

— Я могу не успеть, если буду ждать.

— А если не будешь, успеешь столкнуться раньше.

— Быстрый пилот не может ждать медленного навигатора.

— Тогда быстрому пилоту придется научиться выживать без навигатора.

— Я думал, между нами уже возникло доверие.

— У нас возник договор. Доверие появится после первого раза, когда ты послушаешься.

— То есть никогда, — негромко заключил Арес, стоявший у перегородки.

Манс бросил на него оскорбленный взгляд.

— Я умею слушаться.

— Пока не заметно.

— Потому что мне еще не отдавали хороших приказов.

Андрей уже открыл рот, собираясь объяснить разницу между приказом и попыткой удержать пилота от самоубийства, но Наар-Кел без всякого предупреждения включил учебную схему. Перед кабиной мгновенно развернулся гравитационный коридор, приборы ожили, а аппарат, оставаясь неподвижным, создал настолько убедительное ощущение ускорения, что Вельского вдавило в кресло.

— Началось, — сообщил Саа.

— Предупреждать не пробовал? — возмутился Манс, одновременно выводя тягу на рабочий уровень.

— Попробовал. Сейчас.

Первую условную стену они встретили через девять секунд. Андрей увидел схлопывающийся поток, начал объяснять, что справа приближается крупная грузовая платформа, а слева формируется свободный участок, но успел дойти лишь до размеров препятствия, прежде чем изображение вспыхнуло красным.

— Я же просил просто назвать направление! — воскликнул Манс, когда карта погасла.

— Налево.

— Теперь уже поздно!

— Зато коротко.

Вторая попытка продлилась почти вдвое дольше. Андрей еще только оценивал два возможных коридора, когда Манс заметил изменение линий, самостоятельно заложил вираж и вошел в поток, который через мгновение закрылся перед самым носом аппарата. Учебная схема снова погасла.

— Ты повернул без команды, — напомнил Вельский.

— Потому что ты молчал.

— Я думал.

— Во время гонки попробуй делать это быстрее.

— Во время гонки попробуй не убивать нас, пока я думаю.

— Постараюсь совместить, но ничего не обещаю.

Третья попытка закончилась после того, как Андрей приказал сбросить тягу, Манс решил, что успеет проскочить, а затем оба одновременно попытались исправить ошибку в разные стороны. Аппарат ударился об условную стену с такой скоростью, что защитная система не стала показывать последствия столкновения и просто погасила изображение.

На несколько мгновений в кабине воцарилась темнота.

— Это ты виноват, — одновременно произнесли Андрей и Манс.

Свет вернулся. Они повернулись друг к другу.

— Я приказал сбросить тягу, — отчеканил Вельский.

— После того как разрешил войти в поток.

— Я не разрешал.

— Ты сказал: «Вправо».

— Я сказал: «Справа закрывается».

— Слишком много слов! Я услышал главное.

— Ты услышал единственное слово, которое хотел услышать!

У перегородки рассмеялся Арес. Сперва он пытался сдержаться, но, когда Манс начал руками изображать ширину открывшегося коридора, а Андрей с таким же жаром доказывать, что этого коридора вообще не существовало, десантник отвернулся и прикрыл рот кулаком.

— Может, сам сядешь? — предложил ему Вельский.

— Нет, командир. Я доверяю профессионалам.

— Пять секунд назад ты назвал нас двумя идиотами, — напомнил Манс.

— Одно другому не мешает.

После этого Арес продолжал веселиться значительно тише.

На четвертой попытке они снова столкнулись, хотя на этот раз успели пройти большую часть учебного маршрута. Андрей слишком широко раскрыл траекторию, пытаясь оставить пилоту пространство для маневра, Манс воспринял это как приглашение увеличить скорость, и последние секунды оба потратили на громкие, но совершенно бесполезные объяснения того, почему другой немедленно должен был поступить иначе.

Перед пятой попыткой Вельский закрыл глаза и заставил себя перестать думать о станции как о целом. Он не мог удержать в сознании все уровни, потоки и движущиеся объекты, но

от него этого и не требовалось. Навигатору не нужно было видеть все. Ему требовалось найти единственный путь, по которому пилот мог провести машину в следующую секунду.

Когда карта развернулась снова, Андрей оставил только ближайшие линии, выбрал три возможные траектории и закрыл две прежде, чем Манс успел в них войти.

— Тягу вниз, — приказал Вельский.

— Там открывается проход.

— Вижу. Сбрось тягу и жди.

— Ненавижу это слово.

— Привыкай.

Манс все же подчинился. Судя по тому, как напряглись его пальцы на рукоятях управления, это далось ему тяжелее самого маневра. Поток впереди сузился, почти исчез, а затем соседняя линия дрогнула и начала изгибаться в сторону свободного пространства.

— Сейчас? — нетерпеливо спросил пилот.

— Нет.

— А теперь?

— Жди.

— Андрей!

— Теперь. Правее на три градуса, полная тяга!

Манс бросил аппарат вперед. Кабину качнуло, линии гравитационной карты рванулись навстречу, и на одно страшное мгновение Вельскому показалось, что он снова ошибся. Машина вошла в поворот слишком близко к границе коридора, дрогнула, словно собираясь сорваться, но пилот удержал ее и вывел на прямую.

Красное предупреждение не появилось.

Они не столкнулись.

Несколько секунд Андрей и Манс молча смотрели на приближающуюся контрольную точку, словно не могли поверить, что учебная система действительно позволила им добраться до конца.

— Еще раз, — одновременно потребовали оба.

Манс повернул голову. Андрей посмотрел на него через прозрачную перегородку, и в наступившей тишине Арес негромко произнес:

— Вот теперь мне действительно страшно. Они начали говорить хором.

Манс рассмеялся — впервые не для того, чтобы скрыть напряжение или отвести разговор от собственного страха, а с чистым азартом человека, который наконец нащупал границу возможного и сразу решил проверить, насколько далеко ее можно отодвинуть.

Следующий проход они завершили быстрее. Потом еще один. Их команды становились короче, споры — содержательнее, а взаимные обвинения все чаще откладывались до окончания попытки. Андрей учился не описывать Мансу всю карту, а оставлять ровно столько вариантов, сколько тот способен был превратить в движение. Пилот по-прежнему входил в поворот раньше разрешения, но Вельский начал учитывать его нетерпение и открывать поток на долю быстрее.

— Левее. Тягу не добавлять.

— Там свободно.

— Через секунду закроется.

— За секунду я успею.

— Мы — нет.

Манс недовольно выдохнул, но удержал машину. Мимо прошел условный грузовой модуль, гравитационный след качнул аппарат, а через мгновение справа раскрылся узкий коридор.

— Теперь!

Пилот рванул в него без лишних вопросов.

Они все еще ошибались, перебивали друг друга и несколько раз чудом избегали новых столкновений, однако постепенно между ними возникал странный ритм, в котором осторожность одного больше не тормозила смелость другого, а удерживала ее от превращения в самоубийство. Андрей начинал чувствовать момент, когда Манс уже принял решение, но еще мог его изменить; Манс учился различать в голосе навигатора сомнение и уверенность, хотя иногда делал вид, что не слышит ни того ни другого.

Через сорок минут Наар-Кел выключил систему.

— Еще один проход, — одновременно потребовали Андрей и Манс.

Они посмотрели друг на друга и замолчали.

— Совпадение повторилось, — заметил Арес. — Положение ухудшается.

— Тренировка завершена, — сообщил Наар-Кел.

— Мы только начали понимать машину, — возразил Андрей.

— Именно поэтому нужен еще один круг, — поддержал его Манс. — Для закрепления результата. Наука требует повторяемости.

— Регистрация закроется через тридцать две доли.

Человеческий юмор мгновенно уступил место спешке. Манс сорвал с себя крепления и едва не застрял в кресле, когда попытался одновременно подняться, отключить панель и продолжить спор о необходимости дополнительной попытки. Андрей выбирался медленнее: стоило ему выпрямиться, как пол под ногами качнулся, хотя аппарат за все время тренировки не сдвинулся ни на сантиметр.

Арес успел подхватить командира под локоть.

— Все нормально, — пробормотал Андрей. — Непривычная гравитация.

— Мы никуда не летали.

— Организм об этом не знает.

— Тогда объясните ему по-командирски.

В этот момент личный терминал завибрировал. Крылова требовала объяснить, почему руководитель группы не явился на совещание, назначенное на десять, и почему его терминал находится в закрытом секторе нижних уровней. Андрей прочитал сообщения, решил ответить чуть позже и убрал устройство, однако через несколько секунд пришло третье:

«Я вижу, что вы прочитали».

— Она пугает меня все сильнее, — признался Вельский.

— Кто? — заинтересовался Манс.

— Мой координатор.

— А, — понимающе протянул пилот. — Значит, единственный человек в группе, который знает, что происходит.

Андрей проигнорировал замечание и написал, что задержится, потому что нашел пилота. Ответ пришел почти сразу:

«Это объясняет появление пилота. Но не закрытый сектор, пропущенные сообщения и остальную часть происходящего».

— Лучше ответить подробно, — посоветовал Арес, заглянув ему через плечо.

— Вы знакомы с ней несколько часов, — напомнил Андрей.

— Именно поэтому я еще способен оценивать опасность непредвзято.

— Напишите, что мы готовимся к гонке, — предложил Манс.

Андрей поднял на него взгляд.

— Я рассчитывал сообщить об этом после регистрации.

— Правильно. Тогда она не успеет запретить.

Терминал снова завибрировал.

«И что именно вы сейчас от меня скрываете?»

Арес молча посмотрел на Андрея.

— Ни слова, — предупредил тот.

— Я ничего не сказал, командир.

— У тебя все на лице написано.

— Это потому, что я эмоциональный человек.

Наар-Кел активировал транспортную платформу под машиной. Опоры втянулись, серебристый корпус опустился на несколько сантиметров и бесшумно поплыл к выходу. Саа шел рядом, не сводя с аппарата внимательного взгляда, и Андрей впервые задумался о том, что для Наар-Кела этот выезд значил гораздо больше, чем возможность заработать. Машина покидала бокс впервые за три года, и даже если неживой механизм не был способен испытывать тоску, его владелец наверняка помнил все причины, по которым так долго не решался снова вывести его на старт.

Манс шагал с другой стороны платформы, то и дело касаясь ладонью корпуса, будто проверял, не исчезнет ли аппарат, если оставить его без присмотра. Прежняя легкость постепенно ушла из его голоса, и, когда он заговорил, в словах впервые прозвучал неподдельный интерес к новой группе:

— После гонки познакомишь меня с остальными?

— С остальными участниками группы? — уточнил Андрей.

— С ними. Я пока ничего не обещаю, — поспешно добавил Манс. — Просто хочу посмотреть на людей, которые добровольно согласились работать под началом командира, собирающего экипаж по ночам, ремонтирующего чужую технику по утрам и впервые садящегося в кресло навигатора за несколько часов до нелегальной гонки.

— Одного участника ты уже видишь, — сообщил Арес.

Манс посмотрел на него.

— Именно поэтому мне и стало интересно. Ты всегда говоришь так серьезно?

— Нет. Иногда я ем.

— А шутить умеешь?

— Сейчас шутил.

Манс на мгновение задумался, после чего повернулся к Андрею:

— Беру свои слова обратно. Команда подобрана идеально.

Саар-Эн, все это время шедший впереди процессии, не вмешивался в разговор. Его молчание настолько естественно оттеняло непрерывную речь Манса, что Арес не удержался:

— А ведь вы двое создаете почти идеальное равновесие. Один говорит за всех, второй — только тогда, когда без этого уже совсем нельзя.

Саар-Эн не обернулся.

— Равновесие отсутствует.

— Вот видите, — удовлетворенно заключил Арес. — Уже спорит.

Глава 3. На старт. Внимание! Драйв!

Регистрационный терминал находился в грузовом ангаре, официально закрытом на замену вентиляции. Вентиляция работала. Не работали камеры администрации.

Обман не пытались сделать убедительным. На внешней створке сохранилась служебная пломба, однако ее уже третий раз аккуратно разрезали и соединяли прозрачным составом; предупреждающая надпись о технических работах мигала только через слово, а за дверью вместо запаха нагретого металла и голосов ремонтной смены слышался низкий гул десятков гравитационных установок. Два вооруженных охранника у входа проверили сигнатуру Наар-Кела, задержали взгляд на людях и особенно долго рассматривали Саар-Эна, после чего решили, что задавать вопросы существу, из-за которого половина местного подполья предпочла бы покинуть ангар через аварийный шлюз, не входит в их обязанности.

Возле стен стояли спортивные аппараты разных конструкций. Одни почти лежали на полу, прижимаясь к покрытию широкими плоскими корпусами, другие удерживались на гравитационных опорах выше человеческого роста и напоминали хищников, застывших перед прыжком. Механики закрывали знаки владельцев временными пластинами, проверяли обшивку, меняли излучатели и переносили из ящиков детали, назначение которых переводчик Андрея определять отказывался. Участники разговаривали тихо и держали оружие заметно ближе, чем инструменты. Несколько бесед прекратились, когда в ангар вошли первые люди Земли; вслед за Андреем повернулись вытянутые лица Саа, головы марканианцев и несколько почти человеческих лиц, чья неподвижность выдавала корлианцев лучше любой формы.

Когда следом появился Саар-Эн, замолчала почти половина ангара.

Саа встретил чужое внимание с обычным равнодушием. За последний месяц его положение в Союзе Тихих Вод успело пошатнуться настолько, что представители собственной расы теперь либо демонстративно его не замечали, либо смотрели слишком долго, надеясь, что опала уже превратила прежнего советника в удобную цель. Саар-Эн не давал им ни подтверждения, ни повода. Он шел рядом с людьми так, словно именно это и являлось единственным разумным местом для представителя его народа.

— Кажется, нас здесь ждали, — негромко заметил Манс, улыбнувшись ближайшему марканианцу.

Тот обнажил зубы.

— Или собирались съесть, — уточнил Арес.

— Одно другому не мешает. Главное, что заметили.

Наар-Кел не обращал внимания ни на взгляды, ни на разговор. Его машина плыла следом на транспортной платформе, старая серебристая обшивка отражала рабочие огни и выглядела почти неприлично чистой среди аппаратов, исполосованных следами ударов, ожогами и плохо скрытыми заплатами. Возле терминала владелец приложил ладонь к считывателю, подтвердил право на участие и без колебаний принял предупреждение из девяти пунктов.

Переводчик Андрея уверенно распознал только отсутствие официальной защиты, полный отказ организаторов от ответственности и согласие участника с возможностью необратимого прекращения биологических функций. Остальные пункты состояли из местных юридических понятий и последовательно уточняли, что организаторы не отвечают за утрату имущества, частей тела, памяти, репутации и способности продолжать род.

Арес перечитал предпоследнюю строку.

— «Необратимое прекращение биологических функций» — это смерть?

— Да, — ответил Саар-Эн.

Манс наклонился к экрану, словно надеялся обнаружить сноску, способную изменить смысл.

— А написать прямо было нельзя?

— Было возможно.

— Тогда почему не написали?

— Прямая формулировка снижает количество участников.

Пилот медленно выпрямился.

— Вот теперь я понимаю, что такое грамотная реклама.

Терминал потребовал указать экипаж. Манс ввел полное имя, поморщился, вернулся на предыдущий экран и после недолгих поисков обнаружил скрытое меню для дополнительных данных.

— Что ты там делаешь? — спросил Андрей.

— Исправляю чужую ошибку.

— В имени?

— В жизни. Никто не зовет меня Мансуром, кроме матери, когда она сердится, и людей, которым я должен деньги.

— Ты должен деньги?

— Уже нет. Поэтому оставлять полное имя особенно опасно.

Он создал отсутствующее поле для позывного и вписал привычное сокращение, поскольку участвовать без него считал плохой приметой. Терминал несколько мгновений сопротивлялся не предусмотренному формой дополнению, затем уступил. Рядом с именем появилась отметка «пилот», ниже открылась вторая строка.

Андрей смотрел на нее несколько секунд.

Вчера у него не было ни одного подчиненного. Теперь Крылова уже управляла его расписанием, Арес назначил себя охраной, а пилот, формально не состоявший в группе, собирался обсуждать условия командования после победы в подпольной гонке, о которой Андрей узнал несколько часов назад. Возможно, Левин был прав: командование действительно начиналось не с приказов, а с людей, каждый из которых приносил с собой характер, прошлое и собственные условия, после чего каким-то образом ожидал, что руководитель найдет для всего этого место.

Вельский приложил ладонь к терминалу. Пальцы едва заметно дрогнули. Страх никуда не исчез; он просто стоял рядом с надеждой, и Андрей уже не понимал, что из них толкало вперед сильнее.

— Андрей Вельский, — произнес он. — Навигатор.

Система считала данные и вывела те же предупреждения. Арес дождался, пока перевод завершится, и сложил руки на груди.

— Официально возражаю против участия командира группы в мероприятии, где смерть называют прекращением функций, чтобы она не отпугивала клиентов.

— Возражение принято, — ответил Андрей.

— И?

— Ты охрана, а не мой заместитель.

— Пока.

Манс внимательно посмотрел на десантника, затем перевел взгляд на Вельского.

— Для человека без должности он звучит подозрительно убедительно.

— Именно поэтому должности у него пока нет.

— Разумно. Дайте ему власть, и к вечеру мы все будем ходить строем.

— К вечеру вы можете не дожить, — сухо напомнил Саар-Эн.

Манс вздохнул.

— А вот поэтому вас редко приглашают поддерживать боевой дух.

Андрей подтвердил участие. На экране вспыхнули два человеческих имени, сигнатура Наар-Кела, номер машины и сумма награды.

Сто девяносто тысяч кредитов.

Регистрация завершилась.

Запустился обратный отсчет.

До старта оставался один час пятьдесят восемь минут. До собственного корабля — одна победа и еще тридцать шесть тысяч пятьсот семьдесят кредитов. До Земли — расстояние, которое никто не умел измерять.

Первые полтора часа исчезли в подготовке, не оставив после себя ни ощущения времени, ни уверенности, что сделано хотя бы самое необходимое. Наар-Кел прогнал диагностику силовой установки, Андрей загрузил в навигационную систему схему трассы, состоявшую преимущественно из пустых участков и предупреждений о возможных изменениях, а Манс трижды потребовал дать ему совершить пробный вылет и трижды получил отказ. Организаторы разрешали запуск двигателей, но запрещали покидать стартовый сектор до сигнала, поскольку преждевременное знакомство с маршрутом считалось преимуществом, а подпольная гонка, по словам распорядителя, дорожила равными условиями.

Андрей услышал эту формулировку, посмотрел на вооруженную охрану и решил не уточнять, какие еще принципы честного соревнования соблюдались в ангаре с отключенными камерами.

Крылова продолжала присылать сообщения. После ответа о найденном пилоте она потребовала координаты, сведения о машине и название организации, проводившей гонку. Андрей честно сообщил, что официального названия у организаторов, вероятно, не существовало. Анастасия некоторое время молчала, затем прислала короткое: «Возвращайтесь». Он прочитал, не ответил и убрал терминал. Через минуту появилось новое сообщение: «Оба».

— Нравится мне эта девушка, — признался Манс, успевший заглянуть на экран.

— Ты ее не видел.

— Уже вижу главное. Она заранее понимает, что одного тебя возвращать бесполезно.

Арес одобрительно кивнул. Андрей решил, что два будущих подчиненных слишком быстро обнаружили общие интересы.

За двенадцать минут до старта в ангар вошли камеры.

Они появились из служебного шлюза десятком небольших сфер, поднялись к потолку и разлетелись между машинами, выбирая выгодные углы. Вслед за ними ожили стены: на сером металле развернулись голографические экраны, показали стартовые коэффициенты и изображения пяти экипажей. Лицо Андрея возникло сразу на трех поверхностях. На одной под именем стояла пометка «неизвестный вид», на второй — «люди Излома», а третья успела назвать его представителем Магократии, прежде чем организаторы исправили ошибку.

Гул в ангаре изменился. Механики отступили от машин, временные панели начали сниматься, и только тогда Андрей понял, что все это время участники скрывали не знаки владельцев.

Под пластинами находилось оружие.

У тяжелого марканианского аппарата раскрылись боковые створки, обнажив два коротких импульсных излучателя и усиленные таранные ребра на носовой части. Вторая машина той же фракции, узкая и медно-красная, поднялась выше над полом; из-под корпуса выдвинулись кассеты с режущими дисками, а на корме механик закрепил катушку тонкого черного троса. Темно-синий аппарат Саа принял последние контейнеры с гравитационными минами, почти невидимыми даже на расстоянии нескольких шагов. Корлианская машина не изменилась, но вдоль ее бортов зажглись линии игольчатых ускорителей, прежде скрытых под рисунком родовых знаков.

Серебристый аппарат Наар-Кела остался прежним.

Манс первым нарушил молчание:

— Скажите, что это украшения.

— Это функциональные устройства, — ответил Саар-Эн.

— Иногда полезно соврать.

Наар-Кел медленно приблизился к ближайшему экрану. Его отростки поднялись, затем прижались к голове так резко, что Андрей впервые увидел в движении Саа не просто раздражение, а настоящее потрясение.

— Эти системы запрещены правилами, — произнес владелец машины.

Распорядитель, невысокий Саа с тремя металлическими кольцами на шее, даже не повернулся.

— Запрет отменен семьсот сорок одну долю назад.

— В моей версии условий активное повреждение аппаратов запрещено.

— Ваша версия устарела.

— Три года назад подобное приводило к немедленной дисквалификации.

— Три года назад зрительская доля снизилась на двадцать два процента.

Наар-Кел замолчал. Объяснение было настолько бесспорным с точки зрения прибыли, что возражать ему представитель Союза Тихих Вод не мог, однако выражение его лица не изменилось к лучшему.

Андрей подошел к распорядителю.

— Нас не предупредили.

— Правила доступны каждому зарегистрированному участнику.

— На терминале было девять пунктов.

— Полная версия содержит четыреста восемьдесят два.

— И где она?

Саа указал на едва заметный знак в нижнем углу регистрационного экрана. Андрей вспомнил скрытое меню, в котором Манс создавал поле для позывного, и почувствовал внезапное желание оторвать терминал от стойки.

— Вы специально спрятали правила?

— Они доступны.

— Это не одно и то же.

— Для системы — одно.

Арес уже не слушал. Он обошел человеческую машину, заглянул под корпус, простучал ладонью тонкую обшивку и коротко спросил, чем они располагают. Наар-Кел перечислил двигатель, два управляющих контура, аварийную защиту и навигационную систему; оружие отсутствовало, а стандартное поле спасало только от случайных столкновений и могло выдержать таран лишь на такой скорости, на которой никто из соперников не собирался их таранить.

Десантник выпрямился и посмотрел на Андрея. Ни раздражения, ни прежней иронии в его лице уже не осталось.

— Снимаемся.

До старта оставалось девять минут сорок секунд.

Над ангаром раздался голос ведущего. Переводчик не сумел определить его расу: в речь были добавлены искусственные обертоны, превращавшие каждое слово в торжественное объявление. Он приветствовал зрителей Сиар'Ваала, станции Керр и еще четырех ретрансляционных узлов, поблагодарил владельцев закрытых каналов за распространение сигнала и сообщил, что ставки превысили прошлый заезд на одиннадцать процентов. После этого на экранах появились пять машин.

Первым представили темно-синий аппарат Саа «Седьмая глубина», чьи гравитационные ловушки за последние два цикла вывели из строя девять соперников. Следом возник тяжелый марканианский «Крушитель», построенный вокруг двигателя грузового тягача и защищенный так, будто его владелец собирался штурмовать военную станцию. Медно-красный

«Шрам» принадлежал братьям-марканианцам, прославившимся использованием режущего троса в коридорах, где уклоняться было некуда.

Четвертой показали черную, почти лишенную отражений машину корлианской семьи Хаар. За штурвалом сидел Краат-Хаар, рядом с ним — его сестра Сейра. Ведущий отдельно напомнил, что любая форма телекинетического, ментального или иного воздействия экипажа на трассу, соперников и собственный аппарат запрещена; корлианцы приняли условие без видимой реакции.

Последним на экранах появился серебристый аппарат Наар-Кела. Камера задержалась на чистом корпусе, на двух людях возле открытой кабины и на полном отсутствии оружия. Коэффициент их победы изменился прямо во время представления с тридцати двух к одному до сорока семи.

— А зрители наблюдательные, — пробормотал Манс.

Ведущий назвал их первым человеческим экипажем в истории гонок Сиар'Ваала и предположил, что новые разумные либо принесут соревнованию неожиданность, либо очень быстро продемонстрируют особенности собственной анатомии. По ангару прокатился смех.

— Снимаемся, — повторил Арес. — Сейчас.

— Регистрационный взнос не возвращается, — предупредил Наар-Кел.

Десантник шагнул к нему.

— Если они погибнут, тебе тоже ничего не достанется.

— Это верно.

— Тогда убирай машину.

Наар-Кел перевел внимание на Андрея. Решение принадлежало ему, и это оказалось хуже любой попытки приказать. Вельский посмотрел на четыре вооруженных аппарата, на обратный отсчет и на Манса, который больше не улыбался, но и от кабины не отходил.

— Мы можем отказаться, — сказал Андрей.

— Можем, — согласился пилот.

— Потеряем только взнос.

— И машину нам после этого никто не подарит.

— Если выйдем на трассу, нас попытаются убить.

— Уже пытались, — Манс пожал плечами, но движение получилось слишком напряженным. — Ты сам рассказывал.

— Не тебя.

— Меня тоже. Просто в другом месте.

Он провел ладонью по серебристой обшивке и на несколько секунд опустил голову. Когда Манс снова посмотрел на Андрея, в его лице не осталось ни показной беспечности, ни желания понравиться новым знакомым.

— Я не хочу умирать за деньги, командир. И за должность, которой у меня пока нет, тоже не хочу. Но если сейчас уйду, то завтра снова сяду за грузовой пульт и буду ждать, пока кто-нибудь другой найдет корабль, дорогу и все остальное. Я слишком долго уже ждал. Решай.

Ответственность снова оказалась не правом отдавать приказы, а чужой жизнью, положенной перед ним на стол.

Андрей повернулся к Аресу и объявил решение: они выходят на старт. Десантник стиснул челюсти, заявил, что летит с ними, и даже предложил найти третье место и стрелять через обшивку во всех, кто приблизится, однако Вельский не позволил спору разгореться.

— Ты останешься здесь, — твердо сказал он. — Следи за связью и не дай никому добраться до Наар-Кела. Если мы вернемся, машина все еще должна принадлежать ему.

— А если не вернетесь?

Вельский не нашел ответа. За него заговорил Манс, заметивший, что в таком случае Арес сможет занять освободившееся место пилота; взгляд десантника заставил его поднять обе руки, замолчать и без дальнейших напоминаний полезть в кабину.

До старта оставалось четыре минуты.

Саар-Эн подошел к Андрею, и холодное прикосновение его сознания на мгновение отсекло гул ангара.

— Вероятность победы мала.

— Спасибо. Этого мне не хватало.

— Я не завершил.

— Тогда продолжай.

— Вероятность выживания выше вероятности победы. Сохраняйте первое, если второе станет недостижимо.

Андрей посмотрел на серебристое лицо.

— Это приказ?

— Совет.

— От Саа, который месяц назад предлагал пожертвовать кораблем ради станции?

— Мои расчеты изменились.

— Из-за чего?

Саар-Эн едва заметно повернул голову к собравшимся у машины людям.

— Увеличилось количество учитываемых переменных.

Для представителя его расы это, вероятно, было почти признанием в привязанности. Андрей кивнул и забрался в кабину.

Манс уже сидел впереди, проверяя управление. Прозрачный фонарь сомкнулся над ними, отрезал шум ангара и оставил снаружи Ареса, двух Саа и всех, кто еще мог остановить происходящее. Андрей подключил навигационный контур. Гравитационная карта вспыхнула вокруг кресла, развернула стартовый сектор и тут же отметила четыре источника оружия красными знаками.

— Хорошая новость, — произнес Манс, выводя двигатель на рабочий режим.

— Какая?

— После тренировочных столкновений я боялся, что настоящая гонка покажется скучной.

— А плохая?

— Я больше не боюсь.

Транспортное поле подхватило аппарат и понесло к стартовым воротам.

Пять машин выстроились над раскрытым грузовым колодцем.

Стартовая площадка представляла собой узкий металлический выступ, разделенный световыми линиями на пять позиций. За его краем не было ни дороги, ни направляющего тоннеля — только вертикальная шахта, уходившая вниз через десятки уровней станции. По стенам двигались грузовые платформы, пересекались технические мосты, вращались створки автоматических шлюзов, а далеко в глубине мерцал круг внешнего выхода, за которым вместо следующего уровня начинался космос.

Организаторы не строили трассу. Они брали уже существующие магистрали Сиар'Ваала, на короткое время вмешивались в работу нескольких систем и объявляли дорогой все, через что достаточно безрассудный пилот мог провести машину. Маршрут появлялся на гравитационной карте отдельными контрольными точками и менялся прямо во время гонки в зависимости от движения грузов, ремонтных платформ и самих участников. Любой коридор мог закрыться. Любая безопасная линия через несколько секунд становилась смертельной. Зрителям именно это и нравилось.

Андрей увидел общую схему только после фиксации аппарата на стартовом поле. Из шахты предстояло выйти на внешнюю поверхность станции, пройти вдоль грузового венца, нырнуть в недостроенный кольцевой сектор и вернуться внутрь через старую транспортную иглу. Финиш находился в трех уровнях от стартового ангара, хотя длина маршрута превышала половину окружности Сиар'Ваала.

— Ты говорил, что гонка проходит на станции, — заметил Манс, изучая раскрывшийся впереди космос.

— Большая часть конструкции станции находится снаружи, — ответил Андрей.

— В следующий раз уточняй такие мелочи до того, как фонарь закроется.

— В следующий раз я сначала прочитаю правила.

— А вот это уже паника. Не теряй голову.

Слева загудел «Крушитель». Тяжелый марканианский аппарат висел в поле так низко, что усиленные ребра почти касались стартовой платформы. Его пилот повернул массивную голову к людям и провел когтем поперек горла. Манс приветливо помахал ему.

— Думаешь, он понял? — спросил Андрей.

— Судя по лицу, да.

— Что именно ты хотел сказать?

— Что мы настроены дружелюбно.

— Ты показал ему большой палец.

— У нас это дружелюбно.

— У марканианцев, кажется, тоже. Только палец обычно оторванный.

Манс перестал махать.

Справа от людей застыла «Седьмая глубина». Темно-синий корпус казался цельным, однако Андрей видел на карте шесть малых объектов, удерживаемых под машиной общим полем. Еще дальше висел медный «Шрам», чьи пилоты не смотрели ни на соперников, ни на камеры; братья-марканианцы проверяли катушку режущего троса и переговаривались отрывисто, слаженно, как люди, проделывавшие одно и то же много раз. Черный корлианский аппарат занял крайнюю позицию. Краат-Хаар держал руки на управлении, Сейра сидела рядом неподвижно, и только слишком внимательный взгляд ее светлых глаз выдавал, что навигатор уже изучает не трассу, а остальных участников.

В общем канале появился ведущий:

— Пять машин. Три участка. Семнадцать контрольных ворот. Победителем становится экипаж, первым пересекший финишную плоскость вместе с зарегистрированным аппаратом. Потеря отдельных частей машины не препятствует завершению гонки. Потеря отдельных частей экипажа рассматривается комиссией после финиша.

— Обнадеживает, — пробормотал Манс.

— Запрещено покидать границы трассы, привлекать внешнюю помощь, воздействовать на систему контрольных ворот и использовать личные ментальные, телекинетические либо иные способности, не являющиеся частью зарегистрированного оборудования. Активное противодействие между машинами разрешено после прохождения первого контрольного знака. Атака до сигнала означает немедленное удаление с трассы.

— Каким образом? — спросил Андрей, не рассчитывая на ответ.

Ведущий ответил:

— Средствами организаторов.

На карте вспыхнули орудийные установки вокруг стартовой площадки.

— Все продумано, — признал Манс.

Оставалась одна минута. Зрительские каналы соединились с трансляцией, и тишину кабины заполнил далекий гул тысяч существ, наблюдавших за стартом из торговых залов, мастерских, жилых уровней и закрытых помещений, где ставки заключались быстрее, чем

организаторы успевали обновлять коэффициенты. Ведущий называл машины, толпа отвечала всплесками звука. «Седьмую глубину» встретили сдержанно, «Шрам» — одобрительным ревом, а появление «Крушителя» заставило стены шахты задрожать от усиленного маркианского крика.

Корлианцев приветствовали свистом. Они не отреагировали.

Когда назвали людей, сначала послышался смех, затем кто-то выкрикнул незнакомое слово, переводчик определил его как пожелание быстрой смерти, и остальные зрители поддержали.

— У нас появились поклонники, — сказал Манс.

— Они желают нам умереть.

— Значит, переживают за результат.

Тридцать секунд.

Андрей положил ладони на навигационные пластины. Карта ответила легкой вибрацией, линии потоков потянулись к пальцам и словно продолжились внутри рук. Он видел пять возможных выходов из стартовой шахты, но только два оставались открытыми достаточно долго. «Крушитель» наверняка выберет широкий. «Шрам» сможет пройти через узкий. «Седьмая глубина» будет ждать, пока остальные войдут впереди и освободят место для мин.

Корлианцев Андрей просчитать не мог.

— Манс.

— Слышу.

— Первые ворота через четыреста метров. После них начнут стрелять.

— Тогда постараемся оказаться впереди до того, как они вспомнят как.

— Машина три года не выходила из бокса.

Пилот обхватил рукояти и чуть подался вперед.

— Она соскучилась.

— Неживой аппарат не испытывает тоску, — вмешался Наар-Кел по внешнему каналу.

Манс на мгновение прикрыл глаза.

— Вы все это время слушали?

— Да.

— Тогда запомните: если мы вернемся, с машиной нужно разговаривать.

— Это не влияет на исправные системы.

— Поэтому вы и проигрывали.

— Десять секунд! — проревел ведущий.

Стартовые поля изменили направление. Машины качнулись над пропастью, двигатели взвыли, а гравитационная карта перед Андреем превратилась в клубок падающих линий.

Пять.

«Крушитель» поднял нос, готовясь обрушить всю массу вниз.

Четыре.

Под «Седьмой глубиной» раскрылись крепления мин.

Три.

Сейра-Хаар повернула голову к Андрею. На одно мгновение ему показалось, что корлианка смотрит не через два корпуса и защитные поля, а прямо в его сознание.

Два.

Манс отключил ограничитель тяги.

— Ты что сделал?

— Улучшил нашу вероятность.

Один.

— На старт! — голос ведущего ударил по всем каналам. — Внимание!

Стартовое поле исчезло.

— ДРАЙВ!

Пять машин рухнули в шахту.

Не полетели — именно рухнули, сразу отдав себя гравитации станции, а затем включили двигатели и превратили падение в управляемое безумие. «Крушитель» ушел вниз первым, тяжелый корпус раздвинул воздух и оставил за собой широкий возмущенный след. «Шрам» нырнул почти одновременно с ним, повернулся на ребро и проскользнул между двумя грузовыми платформами. Корлианцы держались рядом. «Седьмая глубина» на мгновение задержалась, пропуская остальных.

Люди стартовали последними.

Манс выжал тягу до предела.

Старая машина Наар-Кела задрожала. Где-то за спиной взвыл двигатель, по корпусу прошла такая вибрация, что Андрей услышал собственные зубы, а затем аппарат сорвался вниз быстрее, чем предсказывала загруженная модель. Серебристый нос опустился, стены шахты рванулись вверх, и человеческая кабина догнала «Седьмую глубину» прежде, чем Саа успели выпустить первую мину.

— Правее! — приказал Андрей.

— Там платформа!

— Через две секунды уйдет. Правее!

Манс довернул. Огромная грузовая плита закрыла половину обзора, приблизилась настолько, что на ее днище стали видны номера контейнеров, и начала уходить в сторону мучительно медленно.

— Андрей?

— Держи.

— Андрей!

— Держи!

Платформа освободила проход. Манс бросил машину в образовавшуюся щель, серебристый борт прошел в нескольких ладонях от металла, и аппарат вырвался перед «Седьмой глубиной».

Первый контрольный знак вспыхнул зеленым.

Ограничение на оружие исчезло.

Саа выпустили мину.

Андрей увидел ее не глазами. На карте позади возникла крошечная впадина, почти не отличимая от следа обычного двигателя, затем начала расти и потянула к себе соседние линии. Мина не взрывалась: она на несколько мгновений создавала собственное направление падения, заставляя все вокруг забыть, где находился настоящий центр тяжести.

— Вверх! — крикнул он.

Манс потянул управление. Аппарат задрал нос и пошел поперек шахты. Внутреннее поле не успело полностью компенсировать перегрузку; Андрея вдавило в бок кресла, карта дрогнула, а следом из-под машины вырвался темно-синий корпус «Седьмой глубины». Саа прошли через собственную ловушку по заранее рассчитанной линии и вышли вперед.

Мина развернулась позади них.

«Шрам» успел уклониться. Корлианская машина прошла рядом с краем возмущения и даже не качнулась. «Крушитель» не стал поворачивать.

Тяжелый марканианский аппарат пробил гравитационную яму массой. Его швырнуло к стене, но пилот включил боковые излучатели и удержал корпус, срезав крепления двух технических мостов. Металлические фермы сорвались в шахту, вращаясь вокруг собственной оси.

— Они снесли дорогу! — выдохнул Манс.

— Это не дорога. Вниз и влево!

— Там ферма!

— Она уйдет вправо.

— А если нет?

— Тогда Арес получит должность.

— Убедил.

Манс перевернул машину. Пол и потолок поменялись местами, хотя в вертикальной шахте оба понятия давно потеряли смысл. Одна ферма прошла над кабиной, вторая пронеслась под двигателем. Конец третьей ударил по защитному полю, выбил белую вспышку и закрутил аппарат.

Манс не стал бороться с вращением. Он добавил тягу, использовал чужой удар для разворота и вывел машину носом к следующему контрольному знаку.

— Две сотых потеряли? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

— Больше.

— Зато красиво.

Импульсный заряд «Крушителя» прошел там, где они находились мгновение назад, и расплавил край падающей фермы.

— Меньше разговоров! — потребовал Андрей.

— Это помогает мне думать.

— Мне мешает!

— Значит, говори тоже.

Шахта сужалась. Впереди вращались три грузовые створки, каждая открывалась по собственному циклу и оставляла проход не дольше чем на секунду. «Седьмая глубина» уже миновала первую. «Крушитель» шел следом, не пытаясь искать отверстия: усиленный нос раздвигал края створок, сминая металл и замедляясь после каждого удара. Корлианцы держались выше и ждали совпадения циклов.

Братья на «Шраме» выбрали людей.

Медная машина появилась справа, почти касаясь стены. Из ее кормы вылетел черный трос, на конце которого раскрылся четырехлепестковый захват. Манс дернул управление, но захват изменил направление вслед за ними. Он не летел свободно — брат-навигатор вел его малыми импульсами.

— Можешь сбросить? — спросил пилот.

— Нет. Он быстрее.

— Тогда куда?

Андрей увидел створки, поврежденный «Крушителем» край и гравитационный след «Седьмой глубины», в котором оставалась еще одна мина.

— К марканианцам.

— Они и есть марканианцы.

— К большим!

Манс понял. Серебристый аппарат нырнул к корме «Крушителя». Тяжелая машина занимала почти весь проход, ее двигатели били раскаленным потоком, а пилот, заметив людей, начал разворачивать боковой излучатель.

— Ближе, — приказал Андрей.

— Нас сожгут.

— Ближе!

Захват «Шрама» почти коснулся их поля.

Манс провел машину над самым корпусом «Крушителя». Импульсный излучатель не успел подняться, зато марканианский пилот резко дернул аппарат вверх, пытаясь раздавить людей о стену. Андрей увидел движение раньше, чем оно началось.

— Влево!

Серебристая машина сорвалась с траектории. «Крушитель» подался вверх, и захват, летевший следом за людьми, вцепился в его броню.

Трос натянулся.

Медный «Шрам» рванулo вперед. Один из братьев закричал в открытом канале, второй попытался освободить захват, но катушка уже заблокировалась. «Крушитель» вошел в первую створку, продавил ее массой и потащил привязанного соперника следом.

— Отцепись! — ревел пилот «Шрама». — Отцепись, безмозглый кусок груза!

Ответ марканианца утонул в помехах.

Вторая створка закрылась между машинами.

Трос выдержал.

Медный аппарат ударился о металл боком. Его развернуло, с корпуса сорвало кассету режущих дисков, а натянутый трос перерезал поврежденную створку и хлестнул поперек шахты. Манс успел увести машину ниже. Корлианцы поднялись выше. «Седьмая глубина» прошла через собственный гравитационный след.

Один из режущих дисков ударил в стену, второй ушел в темноту, третий рассек трос.

«Шрам» освободился слишком поздно.

Третья створка встретила его на полной скорости. Защитное поле вспыхнуло, выдержало первое мгновение и лопнуло. Медный корпус сложился вокруг центральной опоры, кабину сорвало с креплений, и она исчезла среди обломков прежде, чем аварийный маяк успел подать сигнал.

На карте осталось четыре машины.

Число выглядело почти успокаивающе. Четыре машины оставляли на карте больше свободного пространства, меньше пересекающихся линий и всего три источника чужого оружия. Затем Андрей заметил, как быстро каждый из оставшихся экипажей перестроил движение, и понял, что проще не стало. Случайные участники закончились. Дальше летели те, кто успевал использовать чужую ошибку раньше, чем она становилась очевидной.

Гул зрителей превратился в рев.

Андрей не сразу понял, что задержал дыхание. Где-то внизу продолжали падать обломки, на одном из экранов еще мигали две биологические сигнатуры, но связь со «Шрамом» молчала.

— Они живы? — спросил Манс.

— Не знаю.

— Андрей.

— Не знаю! Ворота прямо. Три секунды.

Манс больше не спрашивал. Он провел машину сквозь последнюю створку, и шахта закончилась.

Исчезновение «Шрама» изменило и саму трассу. Пока медный аппарат преследовал людей, Вельский смотрел назад и искал только спасение; теперь приходилось одновременно видеть мины впереди, тяжелую отметку «Крушителя», спокойную линию корлианцев и последствия собственного решения. Он не направлял братьев в створку и не тянул за трос, но именно его команда свела две машины на одной траектории. Навигация впервые оказалась не поиском безопасной дороги, а способом заставить противников выбрать опасный путь.

Перед ними открылся космос.

Сиар'Ваал занимал половину неба. Изнутри станция казалась бесконечной последовательностью уровней, однако снаружи превращалась в сооружение, для которого у Андрея не находилось привычного масштаба: центральное ядро терялось среди колец, доков, антенн и выступающих городов, а грузовой венец тянулся вдоль корпуса широкой полосой движущихся огней. Между конструкциями проходили корабли, каждый больше «Гелиоса», вдали мерцали сборочные верфи, и над всем этим висела звезда, освещавшая металл холодным белым светом.

Любоваться было некогда.

Гравитационная трасса изгибалась вдоль внешней обшивки, проходила под тремя грузовыми мостами и уходила к недостроенному кольцу. Здесь не существовало воздуха, способного гасить движение, не было стен, о которые можно было ориентироваться, и любое неверное ускорение грозило выбросить аппарат из поля станции навстречу открытому пространству.

— Я все-таки предпочитал стены, — признался Манс.

— Пять градусов вниз. Держи корпус вдоль синей линии.

— Какой именно? Их здесь сотня.

— Единственной, которая не заканчивается нашей смертью.

— Очень помог.

Из шлюза следом вылетел «Крушитель». На его броне оставался обрывок черного троса, один из боковых излучателей погас, но тяжелая машина продолжала разгоняться. «Седьмая глубина» шла первой, оставляя за собой россыпь почти невидимых мин. Корлианцы держались между ней и людьми, не вступая в бой и позволяя остальным уничтожать друг друга.

Андрей выбрал внешний поток, проходивший ближе к краю грузового венца. Он был длиннее, зато мины не успевали закрепиться в слабом поле. Манс послушался без спора. Серебристая машина легла на бок, скользнула над освещенной обшивкой и начала догонять корлианцев.

Манс больше не комментировал крики зрителей. Он коротко проверил отклик управления, выровнял тягу и дождался следующего направления, хотя еще несколько минут назад непременно попытался бы доказать, что способен увидеть путь сам. Утрата одного экипажа не сделала его осторожным — осторожность плохо уживалась с Мансом, — однако заставила относиться к командам Андрея как к решениям, от которых могла зависеть не только их собственная жизнь.

Вельский убрал с карты дальние потоки и оставил только те, которых четыре машины могли достичь в ближайшие десять секунд. Пространство сразу стало понятнее. «Седьмая глубина» управляла дорогой минами, «Крушитель» прокладывал ее массой и огнем, корлианцы позволяли остальным открывать проходы за себя. У людей не было оружия, брони и опыта. Зато они уже однажды заставили чужое преимущество ударить по его владельцу.

Внешние камеры показали их крупным планом. Зрительский гул снова усилился, коэффициент победы людей упал до девятнадцати к одному.

— Мы стали популярнее, — сообщил Манс.

— На нас все еще ставят против.

— Но уже с уважением.

Краат-Хаар заметил приближение. Черный аппарат сместился к внешней линии, перекрывая людям путь, а игольчатые ускорители вдоль борта повернулись назад.

— Оружие! — предупредил Андрей.

— Вижу.

Первая очередь выглядела как серебристая пыль. Сотни тонких игл разошлись веером, и каждая несла достаточно энергии, чтобы пробить обшивку кабины. Манс бросил машину вниз. Иглы прошли над фонарем, несколько ударили в кормовое поле, заставив защиту вспыхнуть.

Вторая очередь перекрыла нижний коридор.

Андрей видел ее на карте не отдельными объектами, а расширяющейся областью смерти. Слева лежала обшивка станции, справа начиналось открытое пространство, впереди корлианцы готовили третий залп.

— Тягу до нуля, — приказал он.

— Нас догонят.

— До нуля!

Манс отключил двигатель. Серебристая машина продолжила движение по инерции, ее гравитационный след исчез среди сотен линий станции. Сейра-Хаар повернула ускорители туда, где люди должны были оказаться при прежней скорости.

— Теперь вверх и полный!

Двигатель ударил. Аппарат почти вертикально ушел от обшивки, иглы пересеклись под ним, а затем Манс развернул машину и провел ее над черным корпусом так близко, что Андрей увидел лицо корлианской женщины через прозрачный фонарь.

Сейра смотрела прямо на него.

Прямого ментального контакта между машинами быть не должно было. Защитные поля обеих кабин отсекали чужое воздействие, а расстояние даже в момент сближения превышало несколько метров. И все же виски Андрея сдавило, гравитационная карта на мгновение потемнела, а серебристый аппарат неожиданно потянуло вниз, будто на корму легла невидимая тяжесть.

— Что происходит? — Манс дернул управление. — Я теряю высоту.

Андрей проверил потоки. Ни мины, ни внешнего двигателя, ни изменения поля станции рядом не было.

Тяжесть исчезла.

— Не знаю. Выравнивай.

Корлианцы не стали продолжать атаку. Их машина вернулась к центру трассы, словно короткого прикосновения оказалось достаточно.

Впереди «Седьмая глубина» вошла под первый грузовой мост.

«Крушитель» открыл огонь.

Два импульса ушли вдоль трассы, растянулись белыми полосами и ударили по внешней обшивке моста. Металл вскипел. Облако раскаленных капель разлетелось перед машинами, а следом тяжелый аппарат выпустил третий заряд прямо в темно-синюю корму.

«Седьмая глубина» уклонилась. На ее месте осталась мина.

Пилот «Крушителя» увидел ловушку слишком поздно. Гравитационная яма раскрылась перед носом, схватила тяжелый корпус и потянула в сторону несущей опоры. Марканианец взревел, включил все излучатели одновременно и буквально прострелил себе выход: импульсные заряды разорвали ферму моста, часть конструкции ушла вниз, изменив распределение массы, и поле мины дрогнуло.

«Крушитель» вырвался.

Разрушенный мост начал складываться.

Сотни грузовых контейнеров, закрепленных на внешней стороне, сорвались с направляющих и медленно поплыли над трассой. В невесомости они не падали, однако сохраняли скорость станции и пересекали маршрут огромной стеной, в промежутках которой едва мог пройти спортивный аппарат.

— Ворота меняются, — сказал Андрей, увеличивая карту.

— В лучшую сторону?

— Если бы мы были контейнером.

«Седьмая глубина» вошла в облако первой. Саа выпустили еще две мины, закрепив их между грузами, и на экране карта превратилась в мешанину ложных направлений. Каждый контейнер тянуло сразу к нескольким центрам. Одни сближались, другие расходились, третьи начинали вращаться, закрывая проходы.

Корлианцы замедлились.

«Крушитель» снова выбрал прямую.

— За большими? — спросил Манс.

Андрей увидел, как тяжелый аппарат протаранил первый контейнер, отбросил второй и скрылся внутри металлического облака. За ним оставался широкий, но нестабильный коридор.

— Нет. Они соберут на себя все мины.

— Звучит полезно.

— А потом взорвутся прямо перед нами.

— Уже менее полезно.

На внешнем краю карты оставалась тонкая линия, проходившая между последним рядом контейнеров и границей разрешенной трассы. Справа от нее не было ничего, кроме космоса; слева вращалась металлическая масса, способная раздавить аппарат раньше, чем защита успеет сообщить о столкновении.

— Уходим наружу, — решил Андрей. — Скорость сорок. Не больше.

— На сорока нас обойдут.

— На восьмидесяти нас размажет.

— Пятьдесят пять.

— Сорок пять.

— Пятьдесят.

— Это не торг!

— Уже сорок девять.

Серебристая машина вышла к границе. Слева проплыл контейнер размером с жилой модуль «Гелиоса», его ребро заслонило станцию и на несколько секунд оставило кабину перед одной только чернотой космоса. Поле трассы стало слабее. Андрея охватило неприятное ощущение, будто под креслом исчезла последняя опора, хотя гравитация внутри кабины не изменилась.

Манс держал скорость сорок девять.

— На единицу меньше, — потребовал Андрей.

— Она нужна для морального равновесия.

— Нам нужно физическое.

Впереди два контейнера начали сходиться. Между ними оставалась щель, но одна из мин тянула верхний блок вниз, и расстояние сокращалось быстрее расчета.

— Не успеваем, — сказал Андрей.

— Успеваем.

— Нет.

— Тогда открывай другой путь.

Другого не было. Слева пространство перекрывала мина, справа проходила граница трассы. Выход за нее означал дисквалификацию, если аппарату вообще удалось бы вернуться.

Андрей увидел вращение нижнего контейнера, выступающий узел крепления и слабый след от маневрового двигателя, который все еще пытался вернуть груз на направляющую.

— Под него. Потом на ребро.

— Там нет места.

— Появится.

— Когда?

— Когда мы окажемся внутри.

Манс рассмеялся коротко и зло:

— Наконец-то ты начал давать хорошие приказы.

Аппарат нырнул под контейнер. Металлическая поверхность приблизилась, заполнила весь обзор, и в последний момент маневровый двигатель груза сработал. Огромный блок повернулся. Узел крепления прошел над фонарем, серебристая машина легла на бок и протиснулась в раскрывающуюся щель.

Защитное поле задело оба контейнера.

Кабину ослепило белым. По корпусу прокатился удар, правый стабилизатор выдал ошибку, но машина выскочила с другой стороны прежде, чем металлические стены сомкнулись.

Сзади раздался грохот. Контейнеры столкнулись и перекрыли проход.

Манс выровнял аппарат.

— Сорок девять, — напомнил он.

Андрей обнаружил, что все это время сжимал навигационные пластины так сильно, что пальцы побелели.

— В следующий раз будет сорок восемь.

— Посмотрим.

Они вышли из облака третьими.

«Седьмая глубина» сохраняла лидерство. Корлианцы прошли за ней по центральному маршруту, каким-то образом не задев ни одной мины. «Крушитель» задержался среди контейнеров, и на карте его след метался между ловушками. Через несколько секунд тяжелая машина пробила последний грузовой блок и вырвалась наружу, потеряв часть носовой брони.

До следующего контрольного знака оставалось меньше километра. За ним трасса ныряла под второй мост, где ряды несущих опор образовывали длинный прямой коридор.

«Крушитель» снова выстрелил.

На этот раз марканианец бил не по «Седьмой глубине», а по минам вокруг нее. Первый импульс прошел мимо, второй задел край гравитационной ямы. Поле ловушки дернулось, переместилось и столкнулось с соседним.

Два искусственных центра тяжести начали притягивать друг друга.

Андрей увидел последствия раньше остальных. Линии между минами стянулись, пространство вокруг «Седьмой глубины» пошло складками, и темно-синий аппарат внезапно оказался внутри собственного оружия.

— Тормози! — крикнул он.

Манс сбросил тягу. Корлианцы сделали то же самое почти одновременно.

«Седьмая глубина» попыталась уйти вверх. Первая мина потянула нос, вторая схватила корму, и машину развернуло поперек трассы. Саа сбросили все оставшиеся ловушки, надеясь множеством новых центров притяжения разорвать сомкнувшееся поле, но добились обратного: гравитационные ямы окружили аппарат и начали рвать его в разные стороны.

Защитная оболочка выдержала.

Корпус — нет.

Темно-синюю машину переломило за кабиной. Двигательный отсек ушел к одной мине, носовая часть — к другой. Аварийная капсула отделилась, вспыхнула собственным полем и осталась висеть между опорами моста.

Биологические сигнатуры обоих Саа продолжали гореть.

Зрители встретили их спасение разочарованным гулом.

— Двое живы, — выдохнул Андрей.

— И больше не участвуют, — Манс вернул тягу. — Трое осталось.

Темно-синие обломки остались позади, но рисунок аварии продолжал жить на карте Андрея. Саа проиграли не потому, что поставили недостаточно ловушек. Они окружили себя таким количеством управляемых опасностей, что после вмешательства «Крушителя» перестали различать собственную защиту и угрозу. Их оружие не отказало — оно выполнило слишком много приказов одновременно.

Эта мысль изменила то, как Вельский видел оставшихся соперников. До сих пор он искал свободные коридоры, будто трасса существовала отдельно от гонщиков и лишь время от времени пыталась их убить. На самом деле каждый экипаж строил свою трассу поверх общей:

минами, выстрелами, массой корпуса, ложными смещениями. Побеждал не тот, кто быстрее проходил предложенную дорогу, а тот, кто вынуждал остальных двигаться по созданной им.

— Корлианцы будут ждать, — произнес Андрей, расширяя схему участка под мостом. — А большой снова полезет напролом. Если просто обгоним его, он сядет нам на корму и начнет стрелять.

Манс бросил взгляд на приближавшуюся отметку «Крушителя». После гибели «Шрама» прежняя улыбка возвращалась к пилоту неохотно, но голос уже обрел знакомую живость: — Тогда нам нужен поворот, на котором мы пройдем, он не пройдет, а корлианцы решат не вмешиваться. Желательно именно в таком порядке, потому что обратный мне нравится значительно меньше.

Готового участка на карте не было. Андрей начал искать не место, а сочетание условий: узкий коридор для преимущества легкой машины, меняющееся поле, которое не позволит тяжелому аппарату вовремя затормозить, и достаточно открытого пространства перед входом, чтобы марканианец успел разогнаться. Впервые он выбирал маршрут не только для людей. Он выбирал его и для того, кто собирался их убить.

От осознания стало холодно, хотя температура в кабине продолжала расти. Андрей мог назвать это защитой, расчетом или единственным доступным оружием, но итог оставался прежним: если план сработает, чужая машина разобьется там, куда он сознательно ее приведет. Отказаться означало дождаться следующего тарана. Вельский оставил сомнения на потом и отметил на карте опору у внешнего кольца.

«Крушитель» прошел мимо аварийной капсулы, задел ее краем поля и заставил вращаться. Марканианский пилот выкрикнул что-то победное. Переводчик отказался воспроизводить большую часть выражения.

— Мне он определенно не нравится, — сказал Манс.

— Сосредоточься на трассе.

— Одно другому не мешает.

Люди вошли под мост следом за корлианцами. Прямой коридор позволял разогнаться, и отсутствие оружия впервые стало преимуществом. Машина Наар-Кела весила меньше каждого соперника; ее двигатель не расходовал энергию на излучатели, стабилизатор не компенсировал отдачу, а чистый гравитационный след не скрывал дополнительных систем. Манс увеличил тягу, и серебристый аппарат начал сокращать расстояние.

Наар-Кел появился в канале:

— Температура центрального контура превышает рекомендуемую на девять процентов.

— Она три года не летала, — ответил Манс. — Пусть разомнется.

— Перегрев не является разминкой.

— У людей является.

— Это объясняет малую продолжительность вашей жизни.

— Не отвлекайте пилота, — вмешался Андрей.

— Я передаю значимую информацию.

— Передавайте мне.

— Вы также заняты.

— Тогда Аресу.

В канал немедленно включился десантник:

— Не надо.

Манс улыбнулся. Напряжение на несколько секунд отступило, и именно в этот момент «Крушитель» догнал их.

Красное предупреждение заполнило правую часть карты. Андрей повернулся и увидел тяжелый аппарат всего в нескольких десятках метров. Марканианец больше не стрелял. Он опустил усиленный нос и разгонялся, намереваясь ударить людей в корму.

— Он идет на таран.

— Вижу.

— Впереди опора. Уйти вправо нельзя.

— А влево?

— Корлианцы.

Черная машина держалась рядом и не уступала проход. Краат-Хаар даже не смотрел в сторону людей, однако Сейра повернула голову и наблюдала.

«Крушитель» приближался.

— Манс, тормози.

— Он нас раздавит.

— Резко тормози по команде. Потом вниз.

— Внизу обшивка.

— Между опорами есть техническая ниша.

— Нас туда не пропустит поле трассы.

— На две секунды пропустит.

Расстояние сократилось до двадцати метров. Таранные ребра заполнили задние камеры.

— Сейчас!

Манс ударил по обратной тяге. Серебристую машину дернуло, ремни врезались в грудь Андрея. «Крушитель» не успел погасить скорость и пронесся над ними, едва не задев фонарь. Люди нырнули в техническую нишу между обшивкой и нижней фермой моста.

Поле трассы вспыхнуло желтым. Одна секунда до выхода за границу.

Манс провел аппарат вдоль узкого пространства, где не хватило бы места тяжелому сопернику. Над ними «Крушитель» попытался развернуться. Корлианцы сместились в сторону, пропуская его, и Сейра подняла ладонь.

Движение было почти незаметным.

Оторванная часть мостовой фермы, до этого медленно вращавшаяся далеко от трассы, изменила направление.

Андрей увидел это на карте. На обломке не работали двигатели, рядом отсутствовали гравитационные ловушки, однако металлическая балка развернулась и пошла навстречу «Крушителю» так, словно ее толкнула невидимая рука.

Марканианец заметил препятствие и открыл огонь. Первый импульс расплавил край балки, второй разбил ее на несколько частей, но одна из них ударила по поврежденному носу. Тяжелую машину качнуло.

— Они это сделали, — сказал Андрей.

— Кто?

— Корлианцы. Обломок двигался сам.

— Потом. У нас граница!

Предупреждение стало красным.

— Вверх! Полная тяга!

Серебристая машина вырвалась из ниши за мгновение до дисквалификации. «Крушитель» находился впереди, корлианцы — слева. Андрей уже видел следующий поток, когда марканианский пилот снова развернул тяжелый аппарат к людям.

Его машина была повреждена, один излучатель не работал, носовая броня держалась на нескольких креплениях, но желание уничтожить безоружный человеческий экипаж оказалось сильнее здравого смысла.

— Он опять идет на нас, — Манс не скрывал удивления.

— Марканианцы последовательны.

— Это называется не так.

Новый разворот «Крушителя» уже не был неожиданностью. Марканианец потерял двух соперников, часть брони и возможность мыслить о победе отдельно от мести, зато сохранил главное преимущество — машину, способную пережить прямое столкновение. Он видел перед собой безоружных людей и принимал их отступление за страх. Андрей смотрел на ту же разницу в массе и видел инерцию, которой пилот больше не управлял.

Отмеченная опора находилась впереди. Поле вокруг нее двигалось по замкнутому контуру: захватывало легкие грузы у нижней фермы, поднимало вдоль колонны и отпускало к строящемуся кольцу. Для серебристого аппарата поток мог стать поворотом. Для «Крушителя» — только силой, которая добавит к уже набранной скорости еще одно направление. Все зависело от того, поверит ли марканианец, что люди снова пытаются бежать.

— Он должен войти следом и не сбросить тягу, — сказал Андрей. Теперь команда предназначалась не только Мансу: проговаривая план, Вельский проверял, не пропустил ли условие, способное превратить ловушку для врага в общую могилу. — Держим его близко до опоры. Перед входом показываешь торможение, но скорость не снимаешь. Если он начнет обходить, уходим и ищем другой участок.

Пилот несколько секунд изучал разметку, затем уточнил: — А если не начнет обходить, я отключаю левый стабилизатор, позволяю полю развернуть нас вокруг колонны и включаю его уже наверху. Ты это сейчас собирался предложить человеку, который впервые сел в такую машину меньше часа назад?

— Я собирался спросить, сможешь ли ты.

— Это значительно хуже, — признал Манс, после чего передвинул руки на управлении и выставил предельную чувствительность контура. — Потому что теперь придется отвечать честно. Смогу, если ты не ошибешься с моментом. И если эта древняя посудина не решит, что с нее достаточно человеческих идей.

Наар-Кел услышал реплику и сообщил, что аппарат не принимает решений. Манс попросил владельца пока не рассказывать об этом машине, а Андрей сократил карту до опоры, двух вращающихся секций и тяжелого сигнала за кормой. Все остальное исчезло. У них оставались один поворот, одна попытка и противник, которого можно было победить только убедив его не останавливаться.

В общем канале раздался рев пилота «Крушителя»:

— Не уйдете второй раз!

— Он хотя бы предупреждает, — заметил Манс.

— Впереди поворот вокруг опоры. Вход узкий.

— Насколько?

— Для нас хватит.

— А для него?

Андрей оценил ширину тяжелой машины, скорость вращения внешней фермы и меняющийся угол коридора.

— Если сбросит скорость.

Манс понял раньше, чем Вельский закончил.

— Тогда не дадим.

Он направил машину к опоре. Трасса огибала огромную колонну, соединявшую грузовой мост с внешним кольцом станции. Коридор сужался, прижимаясь к металлу, затем резко уходил вверх между двумя вращающимися секциями.

Люди вошли первыми. «Крушитель» держался за ними, продолжая разгоняться.

— Правее два, — командовал Андрей. — Еще. Держи. Через секунду вверх.

— Вижу.

— Не видишь.

— Уже вижу.

— Манс!

— Доверие, командир.

Перед самым поворотом пилот не стал тормозить. Он отключил левый стабилизатор, позволил полю опоры схватить машину и использовал его как ось. Серебристый аппарат развернуло вокруг колонны; корпус прошел в нескольких сантиметрах от металла, двигатель описал дугу, и трасса раскрылась прямо перед носом.

Манс включил стабилизатор и ушел вверх.

«Крушитель» попытался повторить.

Тяжелая машина не успела повернуться. Ее нос задел колонну, броня разлетелась, левый излучатель оторвало и бросило в собственный двигатель. Раздалась вспышка. Аппарат отбросило к вращающейся секции кольца.

Марканианский пилот включил аварийное поле.

На долю секунды оно удержало машину.

Затем секция сомкнулась.

«Крушитель» исчез между двумя массивными плитами. Металл встретился с металлом, по конструкции станции прошел удар, и из зазора вырвалось облако обломков. Одна биологическая сигнатура погасла сразу. Вторая продолжала мигать внутри неподвижной части кабины.

Гул зрителей стал оглушительным.

Манс не обернулся. Его пальцы оставались на управлении, лицо застыло, и только слишком частое дыхание выдавало, что он видел тот же сигнал.

— Он сам пошел за нами, — произнес пилот.

Андрей смотрел на погасшую отметку.

— Да.

— Мы его не толкали.

— Нет.

— Тогда почему кажется, что это сделали мы?

У Вельского не было ответа. Гонка не оставила времени его искать.

Навигационная карта очистилась от погасших и неподвижных отметок. На ней остались только два живых сигнала: серебристая машина людей и черный аппарат рода Хаар.

Все остальные уже проиграли. «Шрам» остался в грузовой шахте, «Седьмая глубина» распалась среди собственных мин, «Крушитель» исчез между секциями кольца. Оружие, броня и ярость, еще недавно заполнявшие трассу, больше не имели значения.

Впереди двигались корлианцы. Их корпус не дымился, двигатель сохранял ровный ритм, а Краат и Сейра не сделали ни одного лишнего движения, пока остальные экипажи уничтожали друг друга. Они не пережили хаос гонки. Они использовали его.

— Остались только они, — произнес Манс. Веселье не вернулось в его голос; пилот по-прежнему смотрел на погасшую биологическую сигнатуру внутри обломков «Крушителя».

— Только они, — подтвердил Андрей. — И теперь отвлекаться больше не на кого.

До недостроенного кольца оставалось три контрольных знака. До финиша — семь. Разрыв с корлианцами составлял меньше четырех секунд.

Гонка на выживание закончилась. Две уцелевшие машины продолжали разгон, и теперь им предстояло выяснить, кто из них действительно достоин добраться до финиша первым.

Глава 4. Последний соперник

Несколько секунд Андрей смотрел на две отметки, оставшиеся на гравитационной карте, и ждал облегчения. Оно не пришло.

Пока вокруг находились пять машин, опасность не имела единственного лица. Она появлялась то в виде мин «Седьмой глубины», то в тяжелом корпусе «Крушителя», то в режущем тросе «Шрама»; трасса менялась, выстрелы пересекались, а каждый новый маневр мог случайно спасти одного участника и погубить другого. В этом хаосе достаточно было видеть ближайшую угрозу и прожить еще несколько секунд.

Теперь карта стала почти пустой, и от этого происходящее не упростилось. Все возможные решения сходились к одному черному аппарату, который летел впереди без дыма, сорванной брони и заметных повреждений. Корлианцы не выиграли ни одной из прежних схваток. Они просто не вступали в них до тех пор, пока чужая победа не начинала угрожать их собственному месту на трассе.

Краат-Хаар ни разу не позволил машине сделать лишнее движение. Он не пытался впечатлить зрителей, не отвечал на угрозы марканианцев и не расходовал оружие ради возможности вывести из строя соперника, который все равно мог погибнуть через минуту. Сейра наблюдала за трассой и остальными экипажами с одинаковым вниманием, заранее замечая не только открывающиеся коридоры, но и то, кто первым попробует ими воспользоваться. Их слаженность не требовала слов. Один выбирал движение, вторая устраняла все, что могло ему помешать.

Андрей не испытывал к ним симпатии. После столкновения в кабинете Беловой и едва заметных движений фермы возле «Крушителя» для этого не оставалось причин. Но неприязнь не мешала признать очевидное: впереди находился сильнейший экипаж гонки. Предыдущие машины были препятствиями. Корлианцы являлись противником.

Манс тоже это понял. Он больше не шутил и не пытался выжать из старого аппарата красивый разворот ради зрительского шума. Пальцы лежали на управлении спокойно, движения стали короткими и точными, а каждую команду Андрей успевал произнести лишь наполовину. За время гонки они научились спорить быстрее, чем другие принимали решения; теперь исчезла и эта необходимость. Между голосом навигатора и движением пилота осталось только доверие.

— Четыре секунды, — сказал Андрей. — На кольце сможем снять половину, если они не заставят нас повторить их вход.

— Не заставят, — отозвался Манс, не отрывая взгляда от черной кормы. — Для этого им пришлось бы подпустить нас ближе, а они слишком хорошо понимают, кого оставили за спиной.

В словах не было хвастовства. Только признание того, что корлианцы тоже изучили людей и уже успели сделать собственные выводы.

Наар-Кел сообщил о задержке правого стабилизатора. Саа назвал величину отклонения, подтвердил рост температуры двигателя и после короткого анализа признал состояние аппарата недостаточным лишь для одного — прекращения гонки. Манс счел это хорошей новостью. Наар-Кел отказался давать оценку.

Недостроенное кольцо приближалось. Оно должно было стать еще одним уровнем станции, но строительство остановили задолго до прибытия людей, оставив в пространстве огромный разорванный обруч. Завершенные секции чередовались с пустотами, из металла выступали фермы, кабели и направляющие, а незакрепленные элементы будущих платформ медленно вращались внутри. Масса готовых участков тянула аппараты к себе, пустые проме-

жутки отпускали, строительные излучатели создавали короткие восходящие потоки, и вся конструкция словно дышала, по очереди втягивая и выталкивая оказавшиеся рядом машины.

До финиша оставалось семь контрольных ворот. Корлианская машина по-прежнему шла впереди.

Контрольные ворота вели внутрь кольца.

Корлианцы вошли первыми. Черный аппарат исчез между двумя незавершенными секциями и появился на внутренней стороне обруча, перевернутый относительно станции.

— Повторим? — спросил Манс.

Андрей увидел их траекторию и отрицательно качнул головой.

— Они оставили нам ловушку.

Перед входом дрейфовали несколько тонких металлических пластин. На карте они выглядели безобидно, однако линии игольчатых ускорителей на корме корлианской машины были направлены назад.

— Что предлагаешь?

— Внешний край. Пройдем между секциями.

— Там трасса уже.

— Зато в нас не стреляют.

— Пока.

Манс увел машину выше. Корлианцы выпустили очередь. Иглы ударили по пластинам, раздробили их и превратили пространство перед основным входом в облако режущих осколков. Если бы люди пошли следом, защитное поле могло остановить крупные части, но не сотни мелких.

— Начинаю ценить твою подозрительность, — признал пилот.

— Это не подозрительность.

— А что?

— Опыт общения с тобой.

Серебристая машина вошла между незавершенными секциями. Слева проплыла бетоноподобная плита с торчащими креплениями, справа медленно вращалась ферма, а впереди проход сужался до нескольких метров. Андрей вел аппарат через изгибы, ориентируясь по кратким вспышкам строительных полей. Манс больше не спрашивал, существует ли дорога. Если Вельский называл направление, пилот находил способ туда попасть.

Они вышли на внутреннюю сторону кольца почти рядом с корлианцами.

Зрительский канал взорвался криками. На экранах люди шли бок о бок с фаворитами, безоружная старая машина догоняла аппарат рода Хаар, и коэффициенты менялись после каждого маневра. Андрей слышал ведущего, пытавшегося одновременно описывать гонку, принимать новые ставки и напоминать, что организаторы не несут ответственности за вызванные зрелищем повреждения нервной системы.

Впервые за всю гонку между двумя машинами не осталось третьего участника, чью атаку можно было использовать или чьими обломками — закрыться. Краат не стал стрелять сразу. Он смещался от внутреннего края к внешнему, проверяя, последует ли Манс за ложным открытием, затем возвращался на выгодную линию прежде, чем люди успевали занять ее. Сейра почти не двигалась, однако после каждого короткого поворота ее головы черный аппарат менял траекторию так, словно пилот уже знал, какой поток через секунду выберет Андрей.

Вельский ответил тем же. Он дважды открывал перед Мансом прямой коридор и закрывал его прежде, чем тот успевал войти, заставляя корлианцев решать, видят ли люди ошибку или готовят ловушку. На третьей попытке Краат не поверил и сохранил внутреннюю линию. Манс провел машину через слабый строительный поток снаружи, позволил незавершенной секции вытолкнуть корпус обратно и сократил отставание еще на половину секунды.

— Они не нервничают, — произнес пилот, когда черная корма оказалась всего в нескольких корпусах впереди. — Я начинаю воспринимать это как личное оскорбление.

— Поэтому они и остались последними. Краат не станет рисковать ради красивого маневра, а Сейра не откроет нам дорогу случайной ошибкой. Придется вынудить их выбрать между двумя плохими решениями.

Корлианский экипаж словно понял, что люди уже изучают его так же внимательно. Разрыв перестал сокращаться.

Краат-Хаар повернул голову.

Черный аппарат сместился вправо и ударил бортом.

Манс успел подставить поле. Две защитные оболочки столкнулись, по кабине прошел глухой толчок, машины разошлись, но корлианцы тут же прижали людей к внутренней поверхности кольца. Впереди из обшивки выступал ряд незавершенных опор.

— Он загоняет нас в стену, — сказал Андрей.

— Я заметил.

— Тормози и уходи под него.

— Стабилизатор не вытянет.

— Тогда толкни в ответ.

— Вот теперь ты мыслишь как гонщик.

Манс дал боковую тягу. Серебристый корпус ударил по черному, защитные поля вспыхнули, и на мгновение обе машины потеряли устойчивость. Люди оторвались от обшивки. Первая опора пронеслась между аппаратами, вторая задела поле корлианцев, третья осталась позади.

Сейра подняла ладонь.

Серебристую машину снова потянуло к кольцу.

Теперь Андрей не сомневался. На карте не было ни поля, ни работающего двигателя, ни массы, способной изменить траекторию. Невидимая сила легла на корпус и медленно, почти осторожно начала вдавливать его в металл.

— Влево, — приказал Андрей.

Манс отклонил управление до упора.

Машина не повернула.

— Не слушается!

— Полная боковая.

— Уже!

До следующей опоры оставалось меньше трех секунд.

Андрей расширил карту, пытаясь найти причину, хотя уже знал ее. Линии поля оставались правильными. Неправильно двигалась сама машина.

— Две секунды! — крикнул Манс.

Вельский закрыл ближайшие траектории, оставил единственную и включил аварийный импульс правого стабилизатора. Излучатель ударил сильнее расчетного, кабину дернуло, серебристая машина сорвалась с невидимого захвата и прошла над опорой.

Металл скользнул под фонарем так близко, что на нем успела отразиться белая вспышка поля.

Правый стабилизатор погас.

Аппарат начал вращаться.

Манс выругался и перешел на ручное распределение тяги. Основной двигатель толкал машину вперед, левый стабилизатор пытался компенсировать вращение, а поврежденный контур отвечал короткими беспорядочными импульсами.

Корлианцы ушли вперед.

Манс остановил вращение не одним движением, а цепочкой коротких импульсов. Он гасил тягу в тот миг, когда корму начинало уводить наружу, снова включал двигатель на долю позже и заставлял исправный стабилизатор выполнять работу двух. Серебристый аппарат двигался неровно, терял скорость, но оставался на трассе.

Краат не обернулся и не попытался добить поврежденного соперника. Впереди кольцо поворачивало вправо. Корлианцу не требовалось тратить боеприпасы: достаточно было дождаться участка, который люди физически не могли пройти без отказавшего контура. Спокойствие противника пугало сильнее новой очереди.

Андрей восстановил в памяти момент удара. Сейра прижимала машину к опоре, он перегрузил стабилизатор, освобождаясь от захвата, и только после этого контур погас. Формально устройство убила аварийная команда Вельского. На самом деле к ней принудила чужая сила. Корлианцы не просто оттеснили соперника к стене — они заранее отняли у него следующий поворот.

— Наар-Кел! — вызвал Андрей.

— Диагностика выполняется.

— У нас нет правого контура.

— Контур существует.

— Он не работает!

— Это также определяется.

Манс коротко рассмеялся, хотя сейчас в смехе не было ничего веселого:

— Мне начинает нравиться его спокойствие.

— На следующем участке потребуется поворачивать вправо, — продолжил Наар-Кел. — С текущим состоянием системы это невозможно.

— Уже не нравится.

— Варианты? — спросил Андрей.

— Прекратить участие.

— Другие.

— Отсутствуют.

На карте вспыхнул аварийный маршрут, ведущий к ближайшей спасательной платформе. Достаточно было свернуть, погасить скорость и позволить автоматике принять машину. Они выжили бы. Семьдесят шесть тысяч кредитов исчезли бы вместе с шансом на корабль, но Андрей, Манс и даже аппарат Наар-Кела вернулись бы в ангар.

Впереди корлианцы проходили очередной знак.

До финиша оставалось пять ворот.

— Решай, командир, — сказал Манс.

Он не требовал продолжать и не уговаривал остановиться. В его голосе слышалась усталость, страх и готовность принять оба ответа, хотя руки продолжали удерживать машину на трассе.

Андрей посмотрел на аварийный маршрут.

После гибели марканианца слова Саар-Эна обрели другой вес: сохраняйте первое, если второе станет недостижимо. Победа не стоила жизни. Ни его собственной, ни жизни человека, согласившегося сесть рядом несколько часов назад.

— Уходим, — произнес Вельский.

Манс не ответил. Он только перевел управление к аварийному коридору.

В этот момент связь разорвал холодный голос Саар-Эна:

— Не уходите.

Андрей замер.

— Ты сам сказал выбирать жизнь.

— Условия изменились.

— У нас отказал стабилизатор.

— Я слышал.

— Тогда что изменилось?

— Подтверждено нарушение.

На боковом экране появилось изображение с внешней камеры. Саар-Эн передавал замедленную запись момента у грузового моста: Сейра-Хаар поднимала ладонь, оторванная ферма меняла направление без работающих двигателей и уходила навстречу «Крушителю». Следующий фрагмент показывал их столкновение внутри кольца. Серебристый аппарат тянуло к обшивке, хотя схема полей вокруг оставалась неизменной.

— Корлианцы используют телекинез, — сказал Саар-Эн. — Я нашел среди зрителей знакомого оператора. Он ведет отдельную запись их машины в режиме инерционного контраста. Доказательств достаточно для оспаривания результата.

— Прекрасно, — ответил Андрей. — Мы оспорим его с аварийной платформы.

— Если доберетесь.

— Обязательно было уточнять?

— Да.

Манс удерживал машину у края развилки. Аварийный коридор начинал закрываться.

— Командир, нам нужно выбрать.

— Уходите с трассы, — повторил Саар-Эн. — Если не способны продолжать.

В последней фразе появилось едва заметное давление. Саа не произносил ее случайно.

Андрей понял.

— Нет.

— Что «нет»? — спросил Манс.

— Он предлагает мне использовать силу.

Пилот повернул голову настолько резко, что едва не потерял управление.

— Какую еще силу?

— Ту, о которой я собирался рассказать позже.

— Почему все плохие новости в этой команде оставляют на потом?

— Это может быть хорошей.

— Тогда она первая.

Аварийный коридор погас. Возможность выйти без риска исчезла.

— Использование личных способностей запрещено правилами, — сказал Андрей в канал Саар-Эна.

— Противник уже нарушил правило.

— Это не делает нарушение честным.

— Вы участвуете в гонке, где разрешено убивать, — сухо напомнил Саа. — Ваше понимание честности выбрало неподходящее место.

— Комиссия дисквалифицирует и нас.

— Если установит воздействие.

— А если не установит?

— Вы останетесь живы.

Впереди корлианская машина развернула игольчатые ускорители.

Первая очередь прошла далеко, предупреждая. Вторая легла ближе и заставила Манса уйти к внешнему краю трассы. Краат-Хаар не торопился добивать людей. Он видел поврежденный стабилизатор и понимал, что следующего правого поворота они не пройдут.

— Андрей, — позвал Манс. — Я не знаю, о чем вы говорите, но через минуту это станет неважно.

Вельский смотрел на собственные руки. Месяц назад эти пальцы держали оружие в чужом городе, а затем сила, которой не должно было существовать, отбросила корлианку через

комнату. Он не понимал ее природы, не умел вызывать по желанию и не знал, где заканчивается движение предметов и начинается то, что однажды сможет разорвать человека. После первого проявления Андрей боялся не только потерять контроль. Гораздо страшнее было однажды привыкнуть, что любой спор можно решить невидимым ударом.

Использовать собственную способность означало принять тот же способ борьбы, за который Андрей уже осуждал Сейру. Разница существовала — он собирался удержать поврежденную машину, а не разбить чужую, — но провести эту границу внутри страха было проще, чем доказать ее после финиша. Еще вчера Вельский отвечал только за свои поступки. Теперь рядом сидел человек, доверивший ему жизнь, а за пределами трассы ждала группа, для которой первое решение командира могло однажды стать правилом.

Он не имел права победить любой ценой. Не имел права и отказаться от возможности спасти обоих только ради того, чтобы остаться безупречно честным перед противником, первым превратившим обман в оружие. Значит, оставалось определить предел и не переступать его: компенсировать повреждение, защищаться от чужого воздействия, не касаться живого существа и не использовать силу там, где машина еще могла справиться сама.

Но сейчас никто не спорил.

Их убивали.

— Используйте силу только для компенсации повреждения, — произнес Саар-Эн. — Не воздействуйте на экипаж противника.

— А на машину?

— Решение примите самостоятельно.

Связь оборвалась.

— Очень помог, — пробормотал Андрей.

— Командир, — Манс повысил голос. — У нас поворот!

Трасса изгибалась вправо, огибая разорванный участок кольца. За ней начинался последний внешний разгон перед входом в транспортную иглу. Корлианцы уже прошли половину дуги.

Серебристая машина продолжала лететь прямо.

— Сейчас начнется чертовщина, — предупредил Андрей.

— Насколько плохая?

— Не знаю.

— А управлять машиной мне продолжать?

— Обязательно.

— Тогда делай что собирался. Только по возможности не отрывай ничего важного.

Андрей положил ладонь на погасшую пластину правого контура.

Сначала ничего не произошло.

Под пальцами оставался холодный материал, перед глазами дрожала аварийная схема, впереди росла граница трассы. Манс пытался повернуть на одном стабилизаторе, но корму сносило наружу. До контрольного знака оставалось четыре секунды.

Вельский закрыл глаза.

Он перестал искать выключенный механизм и потянулся к ощущению, возникшему во время столкновения с корлианкой: к давлению внутри головы, к тонкой границе между собственной рукой и предметом, которого она не касалась. Тогда сила родилась из страха и ярости. Сейчас страх уже был рядом. Оставалось позволить ему двигаться не внутрь, а наружу.

Мир изменился.

Гравитационная карта перестала быть изображением. Андрей почувствовал ее как множество натянутых нитей, проходивших сквозь корпус, кресла и собственное тело. Одни вели к станции, другие тянулись за двигателями, третьи рвались и возникали снова. Среди них находилась правая сторона машины — тяжелая, непослушная, падающая не туда.

Он схватил ее.

Не ладонью. Не мыслью. Всем собой.

Боль ударила в виски. Погасшая пластина под рукой вспыхнула белым, хотя питание на нее не поступало. Серебристый аппарат дернулся, словно столкнулся с боковым потоком, и начал поворачивать.

— Работает! — крикнул Манс.

— Тягу... вправо.

— Правой нет.

— Теперь есть!

Пилот не стал уточнять. Основной двигатель изменил направление, левый стабилизатор погас, а невидимая сила удержала корму на дуге. Машина прошла контрольный знак в последний допустимый момент.

Манс почувствовал невозможный поворот раньше, чем увидел ожившую пластину. На мгновение пилот замер, затем отбросил удивление с той же решительностью, с какой раньше отключал ограничители, и начал подстраивать тягу под силу, которой не было в схеме аппарата.

— Мне нужны команды, — сказал он. — Я не понимаю, насколько сильно ты держишь борт и когда собираешься его отпустить.

— Я тоже не понимаю. Считай, что появился второй правый стабилизатор без шкалы и ограничителя.

— Прекрасно. Тогда говори «держу», «слабее» и «отпускаю». Если почувствуешь, что теряешь сознание, желательно сообщить до того, как это произойдет.

Андрей подтвердил. Простые слова превратили невозможную способность в еще один элемент управления, пусть пока и самый ненадежный. Манс перестал бороться с невидимой силой и начал работать вместе с ней.

Зрительский канал взорвался.

Андрей открыл глаза. Из носа текла кровь, пальцы на пластине дрожали, но правую сторону аппарата он продолжал чувствовать так ясно, словно держал ее собственной рукой.

Манс бросил на него быстрый взгляд.

— Ты маг?

— Похоже.

— И собирал команду без пилота?

— Какая связь?

— Никакой. Просто пытаюсь понять, какая часть происходящего самая безумная.

— Смотри на трассу!

— Уже смотрю. Но после гонки разговор будет долгим.

Корлианцы заметили, что люди продолжают движение. Черная машина перестала экономить оружие. Игольчатые ускорители открыли непрерывный огонь, заполняя последний внешний участок серебристыми облаками. Краат-Хаар перекрывал очевидные траектории, Сейра двигала те иглы, которые должны были пройти мимо, и безопасные коридоры закрывались один за другим.

Андрей видел ее воздействие.

После пробуждения силы чужой телекинез больше не оставался невидимым. От корлианской машины тянулись тугие темные линии, они цеплялись за иглы, обломки и сам серебристый аппарат, меняя их движение. Сейра не просто стреляла — она собирала вокруг людей сжимающуюся клетку.

— Вниз, — сказал Андрей.

— Закрыто.

— Я открою.

Он потянул ближайшую нить. Одна группа игл дрогнула и прошла выше, вторая столкнулась с ней, несколько снарядов рассыпались безвредными вспышками. Боль в висках усилилась.

— Еще ниже!

Манс направил аппарат в образовавшийся промежуток. Иглы ударили по полю с обеих сторон, одна пробила внешний слой обшивки и застряла в силовом наборе над плечом Андрея, другая рассекла часть левого стабилизатора. Машину качнуло, но теперь Вельский держал оба борта.

— Ты можешь так долго? — спросил пилот.

— Нет.

— Насколько?

— Пока не знаю.

— В этой команде кто-нибудь вообще что-нибудь знает?

— Настя.

— Вот с ней и нужно было лететь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.